

ИНКОГНИТО

БАНК

Том 1

Inkognito
Банк. Том 1

«Издательские решения»

Inkognito

Банк. Том 1 / Inkognito — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-837364-0

Это и роман о специфической области банковского дела, и роман о любви, и роман о России и русских, и роман о разведке и старых разведчиках, роман о преступлениях, и роман, в котором герои всю рассматривают и обсуждают устройство мира, его прошлое, настоящее и будущее... И, конечно, это роман о профессионалах, на которых тихо, незаметно и ежедневно держится этот самый мир...

ISBN 978-5-44-837364-0

© Inkognito
© Издательские решения

Содержание

Предисловие автора	6
Пролог. Истоки. Начало 200_х	7
Часть первая. Весна	25
Глава 1	25
Глава 2	31
Глава 3	37
Глава 4	43
Глава 5	47
Глава 6	53
Глава 7	59
Глава 8	62
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Банк Том 1

Inkognito

© Inkognito, 2017

ISBN 978-5-4483-7364-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие автора

По ряду причин автору хотелось бы хотелось сохранить инкогнито. Любителям различного рода сенсаций могу сразу сообщить, что автор не замаскировавшийся олигарх, подавшийся из-за кризиса в литературное творчество, не блудная дочь миллионера и не более искушенный писатель, скрывшийся за псевдонимом из странной последовательности латинских и русских букв.

Все торговые марки, упомянутые в книге, безусловно, являются собственностью их правообладателей. Некоторые торговые марки выдуманы, те же, которые реальны, упомянуты, исходя из личных пристрастий автора, а не из какой-либо рекламной выгоды, получение которой, не то, чтобы до успеха – даже еще до публикации первой книги писателя просто невозможно.

Упомянутая в данной книге неустойчивость одного из наиболее широко применяемых в мире криптографических алгоритмов на момент написания книги является художественным вымыслом автора. Ничего не взламываемого в принципе быть не может, но пока алгоритм его взлома неизвестен. Художественный вымысел обильно присутствует и в иных событиях в книге, так как это все же роман, а не отчет о происходившем.

Вывод, сделанный одним из героев книги в конце главы 31, уже стал неверным после санкций 2014 года и соответствующего развития внутреннего производства, однако, на время действия событий в книге, казался автору верным.

Некоторые технические подробности в книге упрощены.

Я от всей души благодарен Михаилу Муравьеву, который уже несколько лет назад с юмором объяснил в Интернете современные и с виду сложные экономические механизмы так, что они становятся понятны всем и после их понимания сильно напоминают сказку «Новое платье короля» Ганса Христиана Андерсена (см. главы 14 и 18, <http://warrax.net/94/06/finance.html>).

Как уже отмечалось, автор достаточно много проработал в банковских структурах. И совсем не в службе безопасности, как может представиться заранее пролиставшему книгу нетерпеливому читателю. По мнению коллег, возможно, и высказываемому из вежливости, автор достиг некоторых достойных профессиональных результатов в достаточно специфической области банковского дела. Поэтому читаемая Вами книга отличается от множества сочинений, написанных людьми, знакомыми с предметом поверхностно. Если книга будет иметь достаточный коммерческий успех, возможно, инкогнито и будет раскрыто. Если нет... что-ж, в настоящее время автор продолжает работать и неудачная попытка издания, либо плохой прием читателями и суровая критика настоящего произведения никак не отразится на писавшем.

Засим, предисловие закончено.

Искренне Ваш, (Подпись неразборчива)

Пролог. Истоки. Начало 200_х

– Нужно расписаться за ознакомление с Приказом.

Подходя к столу, Николаю Владимировичу Старостенко очень хотелось побольше ущипнуть себя или, ухватив пятерней побольше своих уже редеющих русых волос, как следует за них дернуть. Однако, если он не спал, это было бы воспринято, мягко говоря, с некоторым непониманием. К тому же, было уже больше пяти вечера. Снов до этого он не видел вообще и начать собственную историю просмотра сновидений не с коротеньких сюжетов, но прожить в цветном, высоко детализированном и до нельзя реальном сне весь день было чертовски странным. Кроме того, он уже неоднократно щипал себя и предпринимал иные попытки очнуться у себя в постели – но, увы, без всяких результатов. Каким облегчением было бы проснуться при подходе к столу! Однако сон продолжался. Может, все-таки дернуть себя на людях за волосы – авось санитары примут это за признак выздоровления, если он сошел с ума, и на самом деле сидит в комнатке с мягкими стенами в ближайшей психушке? Он знал очень многих, кто не только хотел, но и страстно желал бы не думая подписаться за ознакомление с таким приказом (хотя бы и во сне). Да и зарплата очень существенно повышалась. Но его аналитический ум, отточенный учебой на факультете, выпускники которого в советское время распределялись на «Энергию», попадали на космодром, а одному даже удалось слетать в космос, совершенно не понимал причин происходящего. С утра – неожиданный вызов в кабинет начальника службы безопасности и беседа, в ходе которой он не до конца сумел подавить естественные в такой ситуации движения лицевых мышц. Ответные гримасы начальника СБ на лице не отражались – опыта у того было намного больше и все же Старостенко отчетливо разглядел у того в глазах искреннее веселье. Вертевшийся на языке вопрос «Почему я» Николай не решился задать от растерянности. Потом – его первая, хотя и очень короткая беседа с могущественным председателем правления, во время которой Николай, уже зная, что его ждет, максимально сосредоточился и стоял с каменной физиономией. Но глаза, эти его зеркала души, все равно коварно отражали полнейшее изумление происходящим. Председатель правления, несмотря на краткость беседы, шесть раз отворачивался в окно, очевидно, не желая показывать того, что ему тоже весело и что он видит насквозь полное обалдение стоящего перед ним сотрудника. После этого – звонок председателя в отдел кадров: «Вы позаботьтесь, Анна Ивановна, чтобы Старостенко оформили сегодня». Да уж, попробовала бы не позаботиться! Полностью выбившее из колеи прощание с последней фразой: «Теперь, Николай Владимирович, будем видеться каждую неделю». Возврат на рабочее место и мучительные, но бесполезные попытки наконец проснуться, сопровождаемые тщетными надеждами на то, что во сне отдел кадров может и затянуть выполнение распоряжения председателя. Соображения о том, что если происходящее реально, то это готовящаяся «подстава» начальника СБ с целью устроить из него козла отпущения за все промахи службы безопасности. На такое место он вполне мог пристроить минимум пять своих приятелей по госбезопасности. Кстати – пару-тройку недель назад еще один заместитель назначен кроме двух, уже имеющих в наличии – что-то тут не то... При обычном карьерном росте еще одну-две должности на уровне начальника управления надо миновать, а тут вверх как быстро двинули, и совсем без родственников в руководстве – поневоле заподозришь неладное! А как тогда с председателем быть – его, что, просто уболтали? Хотя, если верить молве, дурить предправления непросто, многих он простыми с виду вопросами на чистую воду вывел, да и не засиживаются на такой должности люди, которым можно по ушам ездить. Подсидели бы его давным-давно, всяко желающие бы нашлись. К тому же! – ему ведь встречаться с председателем каждую неделю. Шансов разбить все направленные против Николая аппаратные интриги при личной беседе с главным в банке – множество. И все же следующие несколько месяцев надо быть очень и очень настороженным. По своей части про-

колов у него не было, а по тем делам, которые достанутся, придется очень сильно во все вникать. К тому же, и особых сверхдостижений за последний год у Николая тоже не было, что возвращало его к мыслям о сне. Взгляд на календарь убедил его, что сегодня не первое апреля – для верности Николай, прикинувшись заработавшимся, спросил подчиненных, какое сегодня число.

Когда часовая стрелка ушла за цифру 5, надежда на то, что во сне отдел кадров не работает, ненадолго усилилась. И рухнула, когда зазвонивший телефон неумолимо показал на экране, что звонят не откуда-нибудь, а именно из отдела кадров. Удирать в туалет смысла не было – все равно позвонят кому-то из подчиненных, а те найдут по мобильному телефону. Он поднял трубку и деловитый женский голос пригласил его в кабинет, в котором он сейчас и находился.

– С содержимым Приказа, думаю, уже знакомы. Вот Приказ на столе, если хотите – дополнительно ознакомьтесь, убедитесь и распишитесь в книге ознакомления.

Сама надпись в прошитой толстой тетради, гордо именуемой «книгой», напротив его фамилии и инициалов «Ознакомлен с Приказом №1159-К-С» была на вид совершенно невинной. Сам Приказ, однако, коварно лежал на столе, частично закрытый уголком тетради, но его содержимое неумолимо бросалось в глаза:

«Назначить Николая Владимировича Старостенко заместителем начальника Службы Безопасности с...» Дата была прикрыта уголком тетради, что вызывало робкие надежды о том, что это все же сон, однако все портила видневшаяся ниже знакомая роспись с характерным росчерком после должности подписавшего Приказ. «Председатель Правления ОАО «Ультрим-Банк»...»

Деваться было некуда. Мелькавшие в голове самооправдывающие мысли типа «Эх! Была не была – хоть во сне больше денег заработаю» были не искренними. Внезапно возникло беспощадное понимание того, что человек чаще, чем хотелось бы, должен делать то, к чему его принуждает судьба. Среди множества интересов Николая значилась военная история и совсем нехстати в памяти возник наголову разбитый римский полководец Квинтилий Вар и анализ его действий одним из по-настоящему думающих историков. Все остальные знатоки истории ругали полководца за то, что тот, в еще не появившемся тогда русском стиле, «рванул не глядя» через густой лес и положил три легиона в засаде германцев. И практически никто не рассматривал альтернатив. А на самом деле иных способов действий у незадачливого воителя было совсем немного. Если бы Квинтилий Вар начал обходить леса по берегу Рейна, то потерял бы с месяц и выставил бы себя на посмешище перед всем Римом. Также и тут отказаться от ознакомления с Приказом означало лишь показать себя полнейшим идиотом перед всем банком. Поэтому, мысленно произнеся обесмерченную Вальтером Скоттом поговорку: «Кому суждено быть повешенным, тот не утонет» он взял ручку и оставил на бумаге несколько долей грамма чернил, которые формально приводили Приказ в действие. Оставалось только надеяться на то, что дело не закончится не в стиле приписываемых полководцу последних слов перед завершившим его жизнь взмахом меча: «Квинтилий Вар останется там, где остались его легионы» И снова, в который раз за день подумал: «Ну, почему председатель...».

Сам объект мыслей Николая в это время сидел в своем кабинете, любясь закатом. Бумаг сегодня было немного меньше обычного и секретарша еще полтора часа назад унесла почти всю пачку, расписанную по исполнителям, за исключением двух-трех документов, о которых председатель намеревался поразмыслить сам. Да и обычную норму бумаг он всегда разгребал не позже, чем к пяти вечера. Мысли отклонились от размышления над оставленными себе бумагами к утреннему визиту. Отложив один особо заковыристый документ, председатель усмехнулся – если верить в расхожую примету про то, что когда о тебе вспоминают или усиленно думают, икаешь, то еще с полудня валяться бы ему под столом полумертвым от икоты

с наступлением летального исхода не позднее, чем через 2—3 часа. Ан нет, живой еще... Безусловно, можно было бы развеять все подозрения новоиспеченного зам начальника СБ, которые были написаны у него на лице настолько огромными буквами, что пришлось несколько отворачиваться, чтобы не показать усмешку, но зачем рассказывать о том, что было, в сущности, прихотью? Молодой он еще, новый зам начальника, однако... Хотя уже и не такой молодой, как он в то время, когда основывали банк, находящийся сейчас в первой двадцатке России. Мысли председателя скользнули в собственную молодость, когда он зарабатывал первоначальный капитал, торгуя жевательной резинкой, выпрошенной у иностранцев из Интуриста, потом видеокассетами, джинсами, перейдя в итоге на валюту. Вспомнились доллары, купленные за 14 рублей и проданные за 18 и искренняя радость полученной большой прибыли, на сумму которой сейчас и без слез-то не взглянешь. Припомнил он и казавшееся ему тогда полнейшей авантюрой создание банка – никакого финансового образования, за исключением «прикладного», полученного еще на улице, хотя бы и отточенного до совершенства во время последующих спекуляций, у него не было. «Коммерсант» в то время писал, что если раньше русские собирались на троих, чтобы бутылочку выпить, то теперь – для того, чтобы банк открыть. Великое множество таких на троих созданных банков разорилось в 98-ом, и только единицы добрались до первой двадцатки после 2000-го. А конкуренция, в банковской сфере, которой он так боялся при создании банка... На улице в советское время было намного жестче – гонявшая милиция была еще ничего, но ему чертовски повезло, что госбезопасность попыталась было взяться за него, однако ему чудом удалось выкрутиться не без помощи товарища. А все из-за того заинтересовавшего КГБ американца, пропади он пропадом. При этом председатель даже фамилии-то его не знал. Чудом удалось отвертеться, хорошо, товарищ сообразил, что к чему, но нервы подпортились преизрядно. Взяли бы меня в оборот, но удача тогда улыбнулась широченной голливудской улыбкой во все 32 зуба. Да еще и некстати вспомнился тот сукин сын, председатель правления соседствующего по двадцатке банка, с которым у него была не одна драка в ранней молодости за обладание хлебным местом у гостиницы. Председатель дотронулся языком до моста, стоявшего на месте выбитого зуба, потом напряг костяшки пальцев, на которых, если крепко сжать кулак, еще можно было разглядеть боевые отметины, оставшиеся после ударов об эту гнусную рожу. И злорадно подумал – он еще, небось, не все бумаги разгреб. Если в молодости привык спать до полудня, то в старости от этой привычки вряд-ли откажешься.

Стол председателя правления Эддет-Банка, с чьим лицом не раз соударялись руки его более удачливой «коллеги», опережавшего его на 2 места по капитализации в списке крупнейших банков, также освещался закатом. Председатель действительно корпел над бумагами, так как появился в кабинете часам к 12-ти – юношеские привычки искоренению практически не поддаются. Взаимная идущая из молодости неприязнь двух председателей правления была такова, что он бы съехал в другой, раза в полтора больший, кабинет, если бы узнал, что у козла (он говорил о сопернике и намного хуже) окна смотрят в ту же сторону. Тысячедолларовое кресло в «делах бумажных» помогало мало, однако сражение с бумагами морально облегчало то, что один из документов на столе конкурента был написан в буквальном смысле под его диктовку. Тот-то сукин сын небось почти все разобрал, впахивает с самого утра, дубина – да еще и в молодости он не понимал, что иностранцы невольно тяготеют к «своему», минимум, средневропейскому времени и поэтому встают позже. Соображения о том, что привычка работать с утра может в перспективе оказаться полезной и долгий утренний сон вызывался банальной ленью, отметались председателем даже в его нынешнем возрасте с ходу и без малейших колебаний. Что уж и говорить о молодости, когда, выспавшись, он подходил к гостинице и ему приходилось «разбираться» по поводу уже занятых местечек. А договориться «по-хорошему» удавалось отнюдь не со всеми. С его точки зрения они занимали место нарочно, прямо как

тогдашние глубоко презираемые им людишки-охотники за дефицитом писали с четырех утра списки очереди. Ведь все толкавшиеся у гостиницы, поди, с девками на дискотеках хоть раз, да и танцевали под лирические слова нравившейся ему песни, недвусмысленно показывающей разницу во времени:

«Moonlight and Vodka
Takes me away
Midnight in Moscow
Is lunchtime in LA»¹

Должны ведь были разбираться где и когда солнце всходит и заходит! (то, что был одним из немногих, учившихся в английской спецшколе и абсолютное большинство и не понимало, о чем песня, в расчет, естественно, не бралось). Но справедливости в жизни нет, и мечтать о ней глупо, хотя порой и очень хочется этой самой справедливости. Вот стали бы сейчас часы на то же время, что и в Лос-Анджелесе, именуемом непонятным тогда для русского слуха сокращением LA – он бы и с бумагами расправился и в ресторан какой-нибудь сходил, пока там в 12 дня клиентов мало. Дело дошло до того, что председатель вообще перестал в рестораны ходить – если идти в заведение классом пониже, то все будут пялиться на человека, стоящего не одну сотню миллионов. Даже если тащить за собой пол-зала охраны, от напряженного созерцания каждого поглощаемого им куска аппетит совсем пропадает. Да и в тех местах, где были отдельные кабинеты для VIP-гостей, незримая, не открытая и необъяснимая законами природы энергия любопытства людской массы неумолимо проникала сквозь стены, делая ощущение устремленных на тебя взглядов физическим, как давление толщи воды при нырянии на большую глубину. Если идти в заведение «для своих», то собственной охраны там и не требуется, однако проблема в том, что прогнать подошедших «поговорить о делах» и испортить все настроение совершенно невозможно. Во-первых, там бывают люди, не менее влиятельные, чем он сам, а во-вторых, даже те из пропущенных, кого считали «мелкой сошкой», были достаточно влиятельны для того, чтобы доставить при случае кучу неприятностей, если могли счесть себя оскорбленными по самому мелкому поводу. Не зря еще Никколо Макиавелли писал, что большие обиды человек простить может, а мелкие – нет, а пожелание, сущность которого «отвалите от меня, дайте спокойно пожрать в свое удовольствие в одиночестве», пусть даже и переданное самыми вежливыми словами, несомненно относится к не прощаемой категории. Как там с этим справляются в иных странах, в той-же Америке например? Хотя там около миллиона миллионеров и общество к этому привыкло. Председатель вновь посмотрел на заходящее солнце, еще раз подумал о том, что в Америке сейчас утро и поймал себя на том, что напевает песню Beatles «I'll follow the sun»². «Опять в американское утро захотелось? не выйдет» одернул он себя и заставил себя заняться лежащими в лотке бумагами.

В полном соответствии с таблицей поясного времени в западном полушарии действительно было утро. Хотя Хуан вполне мог спать хоть до полудня, он редко это делал. Хоть его... ну, не то, чтобы должность, должностей и штатного расписания в этой организации не было, скорее, признаваемый всеми пост был очень высоким, да он и стал даже родственником самого босса, старые солдатские привычки еще из другого полушария неизменно давали себя знать. Вот и сегодня Хуан встал около восьми утра и, пока жена еще спала, втихую слушал Интернет-радиостанции. Вообще, по его мнению, это было одним из лучших применений Интер-

¹ Крис де Бург, песня Moonlight and Vodka (Лунный свет и водка). Перевод двух последних строк – «Полночь в Москве-время обеда в Лос-Анджелесе»

² Я последую за солнцем

нета. Можно было слушать радиостанции хоть со всего мира, что он и делал, особо упирая на одну из стран. На минутку он отвлекся на красавицу жену, чья грудь вылезла из под простыни и усмехнулся. Как это ни странно, но после нескольких родов она совсем не утратила красоты, мало того, ее привлекательность даже стала более зрелой. Хоть это и было парадоксально, но своей самой успешной армейской операцией Хуан считал именно завоевание сердца этой красавицы, которая была на четырнадцать лет моложе его. Он усмехнулся, вспоминая об этом. Сколько горячих местных мачо ее штурмовали – не пересказать, и все – без малейшего успеха, однако, у него все получилось! При этом настоящих армейских операций он провел ох, как немало, но эта, хоть и в гражданской жизни – все же явно лучшая... Присмотревшись к жене, Хуан заметил какое-то движение под закрытыми веками и подумал, что она уже не спит. Наблюдательность у Хуана была что надо, без нее он не раз бы умер в своей прежней жизни, не дожив до нынешней... Однако, спустя минуту он подумал, что супруге просто снился сон и вновь одел наушники. Хоть Хуан и звался Хуаном всего несколько лет, но извечная тоска по родине давала себя знать. Обычно он слушал радио без проявления особых эмоций, однако сегодня в момент начала рекламной паузы он услышал кое-что специфическое и связанное с его новым именем...

– Мальчик жестами показал, что его зовут Хуан...

Прикинув то, какими именно жестами мальчик должен был показывать свое имя, Хуан с огромным трудом сдержал себя от того, чтобы не заржать в голос. Однако, от нескольких конвульсивных рывков он все-таки не удержался. Вот ведь сукины дети! – восхищенно подумал он по-русски. Конечно, Хуан вовсю старался даже думать на испанском языке и порой у него это вполне получалось, но после такого волей-неволей мысленно перейдешь на свою родную речь. Ему вспомнились слова Гоголя из школьной программы о меткости русского слова. Мда, то, что «Выражается сильно русский народ» – это святая правда, да и то, что русский ум действительно живой и бойкий – тоже. Хотя все это было очень давно, да и он уже закрепился здесь с корнями. Воистину, там, где родились и растут твои дети – там и твой дом... А Россия... она уже в прошлом, и, к сожалению, как государство тоже – достаточно было посмотреть на середину 90х, когда были обрублены все концы, связывающие Хуана... ну, даже не со страной, в которой он родился, а с родной территорией. Та страна, которая выдала ему свидетельство о рождении, разлетелась на кучу частей и, по его мнению, все эти части, не исключая и России, уверенно двигались к краху. После расстрела Белого Дома – точно. Для сбивания ностальгии Хуану вполне хватало радио из России, а ехать туда он даже и не думал. Слушающий Интернет-радио не предполагал, что за последующий год ему доведется побывать в России не раз и не два...

В это же время в США Питер Джексон припарковывал свою машину на стоянке у одного из офисов VISA International. Стоянка была в привилегированной зоне, поближе к входу. Он приехал на работу намного раньше – по какому-то странному капризу уличного движения пробок на дороге почти не было. Хотя Питер мог позволить себе и задержаться, он редко это делал. Выезжал он заранее, в расчете на пробки, всегда напоминая подчиненным о том, что погода еще хоть как-то поддается предсказанию с помощью суперкомпьютеров, густой сети метеостанций и прочей техники, но поведение миллионов идиотов, которые неизвестно когда выедут на дорогу и создадут затор, прорицаниям неподвластно. Теперь Джексону предстояло пройти через весь офис замеченным только охраной и редко встречавшимися по дороге дежурящими сотрудниками. Он с удовлетворением подумал об этом и ухмыльнулся самому себе: «Да, сильно же в тебе вьелась тяга к незаметности, приятель – расслабься, теперь это не является необходимым». Распространенность его фамилии в «предыдущей жизни» Питер считал большим плюсом – хоть Джонов Смитов и больше, но неплохо и так. Даже на своей нынешней работе в первые недели после выхода фильма «Властелин колец» и дурацких вопросов типа

«Твоя работа?» желание прибить режиссера было чрезвычайно сильным. И нынешняя, а уж в особенности прежняя деятельность Джексона не приветствовала повышенного внимания со стороны посторонних, а притягивание шуточек про хоббитов, Новую Зеландию, планируемое количество Оскаров и прочую толкиеновско-кинематографическую ерунду очень быстро вызывало мысли о том, что это долбаный режиссер должен умереть, причем не сразу, а в длительных и жестоких мучениях, которые должны продолжаться минимум дня три. Однако Питер быстро приспособился – с широченной улыбкой отвечал «O yes, it's me»³, а со временем ажиотаж, слава Богу, поутих. Были еще рецидивы, связанные с анонсами еще двух фильмов, но они утихли еще быстрее. Джексон отвечал за контроль соблюдения банками процедур безопасности в регионе VISA CEMEA. Географически этот регион представлял собой голубые и розовые мечты британско-японско-немецких и прочих захватчиков и колонизаторов – слово CEMEA расшифровывалось, как Central Europe, Middle East and Africa⁴. При этом Россию до самого Владивостока к Central Europe можно еще кое-как отнести, вот но Казахстан... Ни к CE ни к ME он явно не клеился, не говоря уже об А, однако в регионе CEMEA по странному организационно-географическому капризу значился. Попадание на свой нынешний пост Джексон считал большой жизненной удачей, которая, однако, наступила после еще большего краха. Конечно, помогло полученное знание России, и в деньгах он в конечном итоге выиграл, но он бы предпочел остаться на своем прежнем месте, если бы не та проклятая история с детишками. Он опять усмехнулся про себя. Это сейчас «история с детишками» означает неудачливое попадание в видеоискатель фотоаппарата в Тайланде с пятилетней девчонкой и последующими взятками полиции или фигурирование в скандальных интернет-хрониках, как те 17 или сколько их там, французских педофилов. В той нашумевшей истории осудили, насколько он помнил, семерых, а остальных оправдали за отсутствием доказательств активных действий – они, как метко говорят русские, только «со свечкой стояли». Уж в его-то «детских делах» сексом и не пахло, да и, строго говоря, детишками они уже не были... Если бы в «прошедшей жизни» Питеру предложили на выбор современный и его собственный вариант «истории с детишками», он без колебаний избрал бы современный, однако прошлого не воротить. Из-за промаха Питера погибло немало людей, не говоря уже о другом, «сопутствующем», ущербе. Видимо, в качестве компенсации за предыдущее невезение, Джексону довелось наблюдать со стороны крах аналогичного масштаба (хотя и без человеческих жертв) на новом месте работы. Проходя по пустынному коридору, он вспомнил, что творилось, когда в 1999-ом в одном процессинговом центре в России была замечена утечка данных по картам клиентов... Да еще это засекли не они, а MasterCard, что вдвойне обиднее. Головы, хоть и в Америке, полетели прямо-таки с русской скоростью, а ему, как специалисту, знавшему Россию, пришлось оформлять срочную командировку в Москву. Мало кто знал, что службы безопасности VISA, MasterCard да и иных платежных систем сотрудничали между собой, в отличие от прочих коммерческих структур платежных систем, которые всюду конкурировали, пытаясь оттяпать себе большую долю рынка. В сотрудничестве служб безопасности не было ничего неестественного – любая прореха в безопасности на любом участке работы с платежными картами, будь то изготовление, транспортировка, хранение, выпуск, выдача клиентам и, в особенности, обслуживание, аукнется всем. Точно так же сотрудничают большинство структур, связанных с безопасностью. Взять хотя бы обмен информацией о неисправностях между механиками конкурирующих авиакомпаний. Однако сотрудничество сотрудничеством, но и своеобразная конкуренция между службами безопасности тоже была. Заключалась она в том, что все старались найти что-то первыми и застолбить это первенство при сообщении о проблеме остальным. Это считалось признаком особой бдительности, правильной организации и, попро-

³ О. да, это я

⁴ Центральная Европа, Ближний Восток и Африка

сту говоря, класса. Хотя и от везения тут, как и везде, зависело многое, по но общепринятому мнению, вся суть работы службы безопасности и заключалась в том, чтобы исключить все сторонние факторы и не зависеть от удачи, чей-то проявленной бдительности и прочих случайностей. Усаживаясь в кресло в своем кабинете, Питер подумал, что это задумано разумно. Правила и процедуры должны быть выстроены так, чтобы исключить зависимость от капризов фортуны. Проблема, однако, как и с многими разумными задумками, была в том, что все правила, директивы и прочие руководящие указания в значительной мере действовали только для уже выявленных способов мошенничества. А для того, чтобы разобраться с чем-то новеньким и требовалась та самая удача, которая, справедливости ради, ходила рука об руку с постоянной бдительностью и непрерывным анализом информации. С этим сочетанием удавалось обнаружить и вовремя поднять тревогу удавалось бы всегда. Однако, многие прозевавшие что-то всегда жаловались именно на отсутствие удачи. Не оправдывать же собственную самоуспокоенность, как предыдущий начальник неофициально называемого русского сектора. Понадеялся он на «русскую паранойю» в плане безопасности, не обратил достаточного внимания на сообщения о подозрительной статистике операций и вылетел с работы. Джексона спасло и одновременно продвинуло наверх то, что он строго в рамках своей прежней компетенции вовремя поднял проигнорированную его прежним боссом тревогу. Расчищая спам из электронной почты, он, как и многие столетиями раньше, размышлял о загадочной русской душе. С одной стороны – действительно есть здоровая паранойя, вызванная вполне разумной боязнью внешнего нападения и шпионажа – ему ли не знать. С другой стороны – полагание в критически важных вещах, как это там у них говорится «на русский авось». Несомненная креативность и при этом неумение воплотить в жизнь множество гениальных задумок. Японцы, только читая их журнал «Наука и Жизнь» и запуская в производство описанные там «домашние хитрости», озолотились. Кстати, о японцах – он обратил внимание на e-mail по поводу профилактики возможных проблем в Японии, поступивший из ответственного за безопасность по тамошнему региону. Да, японцы тоже народец изобретательный – помимо всемирно известной электроники, автомобилей, прочих достижений сумели и запустить в производство приемники банкнот, которые принимают деньги пачками, разбирают их покупорно, проверяют каждую, прогоняя через десятки пар валиков по различным детекторам и выкидывающими фальшивые купюры обратно. Банки уже далеко не первый день их ставят, но неделю назад он сам смотрел на это чудо техники на выставке. В жизни, когда устройство находится в сейфе банкомата, не увидишь, как все это работает, а на выставке со снятой боковой крышкой, когда видно, как банкноты разбираются по одной, проносятся между роликами на долю секунды задерживаясь над датчиками, зачем-то наматывается на большой барабан и затем сматываются с него... Точная работа механики и электроники восхищала, но при этом странным образом возникало какое-то неуловимое и непонятное предчувствие... Отвлекаясь от воспоминаний, Питер вчитался в суть возможных проблем и подумал, что в это время проблемы в Японии еще спят – там около полночи.

Однако источник не выявленных и даже еще не наступивших проблем в области безопасности в пригороде Токио бодрствовал. В старости требовалось меньше сна, да и постоянно будоражащее уязвленное самолюбие сначала отодвинутого в сторону, а затем, хоть и с почетом, но все же недвусмысленно изгнанного на пенсию заместителя руководителя часто не давало уснуть до четырех-пяти ночи. «Или утра?» – подумал Киюши Онода. Впрочем, какая разница – теперь он может спать хоть до часу дня, заняться-то ему, в сущности, все равно нечем. Конечно, можно продолжать вести дневник в интернете на японском и английском языках, выкладывать результаты своих занятий фотографией на общедоступный интернет-портал, смотреть телевизор... Но это все не то, хотя он занимался упомянутыми делами для того, чтобы занять невероятное количество даже не свободного, а скорее пустого времени. Нерациональная бес-

смысленность этих занятий была очевидной для него, но надо же, в конце концов, чем-нибудь заниматься? Хотя бы и этим. Его очень-очень дальний родственник Хиро Онода вообще 29 лет занимался внешне намного более бессмысленным делом – партизанил на Филиппинах после капитуляции Японии. И вышел он из джунглей только по команде своего командира, доставленного на остров Лубанг исключительно для отдания этой самой совершенно необходимой команды. Но у того был приказ, которому в армии нужно повиноваться и все эти 29 лет его жизнь была подчинена заданной командиром цели, а в чем смысл нынешнего существования Киоши Онода? Особо учитывая то, что он остался на свете совершенно один, без близких родственников. «Наверно, надо было все-таки нарушить слово, данное матери» – подумал он. Онода родился в 1937 году и был младшим из пяти братьев в семье. Беременность была неожиданной и случайной – его мать очень надеялась на дочку после четырех братьев, но опять родился мальчик. Храня верность древним самурайским традициям, все его братья умерли не от старости... Как и его отец, которого он помнил отчетливо только одну неделю в 1944-ом во время очень краткого отпуска – во время предыдущих посещений Киоши был слишком мал. Через неделю после выхода отца в море в его эсминец попали две торпеды, сброшенные с палубных самолетов американского авианосца. Судно разломилось пополам и затонуло практически мгновенно. Из команды не спасся никто, весть о потоплении донес уцелевший корабль, которому было не до спасательных операций при авианалете. Двое братьев сгнули на Гвадалканале, одному была оказана честь «божественным ветром» ударить по американскому авианосцу и один погиб во время разгрома Квантунской армии. Когда мать в 1945-ом узнала о зачислении его брата в камикадзе, она крепко взяла Киоши за голову, так, чтобы смотреть глаза в глаза. И очень тихим голосом, так, чтобы гордившийся собой брат не услышал, сказала: «Киоши, дай мне слово, что ты никогда, повторяю, НИКОГДА, не будешь иметь ничего общего с армией». Горе и мольба в ее глазах были настолько сильными, что навсегда врезались в его память и Онода сказал: «Да, я даю тебе слово». Впереди было извещение о смерти еще одного брата и не жизнь, а скорее, доживание его матери, долг которой был воспитать своего последнего сына. Она умерла только тогда, когда он закончил университет, и на спокойном лице умершей совершенно непонятным образом отражалось чувство выполненного долга, который не давал ей умереть от горя сразу. Киоши повернулся на футоне и машинально уставился на колесики кресла, освещаемые лунным светом. С 1981 года он спал один – жена умерла от рака. Его дядя пережил ее на два с половиной года. В конце жизни тот детально изучал родословную предков и выявил родство со знаменитым воином. «Хотя, возможно, он и соврал о родстве, для того, чтобы ободрить меня после смерти жены» – подумал Онода. Но ему не хотелось узнавать правду об этом. Так или иначе, после смерти всех родственников, работа более чем на двадцать лет заняла весь смысл его жизни и обиды в очередной раз воскресали в памяти вместо сна..

Киоши знал свои достоинства, осознавал свои недостатки и мысленно в тысячный раз прокручивал их перед собой в бессонницу. Он понимал, что в нем нет той пресловутой западной «креативности», которая помогает придумывать что-то совершенно новое. Однако, не только по его мнению, администратор и не должен ею обладать. Даже в высокотехнологической компании, которая производила устройства BNA, что расшифровывалось, как Bunch Note Acceptor – приемник банкнот. Фирма начинала со стандартных простых однокупюрных приемников и именно Онода, услышав предложение молодого сотрудника о том, что неплохо было бы принимать деньги пачкой, а не по одной банкноте, начал продвигать это предложение навстречу. «За что сам и поплатился» – подумал он. Администратор должен уметь оценивать предложения и продвигать в работу правильные, отсекая абсурдные. Лет 20 назад, когда западная мода на назначение «creative men» еще не вполне дошла до Японии, руководить бы ему отделением многокупюрных приемников. Но судьба распорядилась иначе. Возможно, если бы Киоши показал наяву свои скрытые положительные стороны, все было бы по-другому, хотя

с такими положительными сторонами могли и немедленно уволить. Фанатичная даже для японца аккуратность и каллиграфический почерк еще не слишком выделялись среди остальных. Но вот если бы выявилась его удивительная память, которая помогала ему запоминать документы страницами... Для того, чтобы как-то объяснить эту способность, Оноде приходилось даже вести дневник, в котором он в иносказательной форме точно описывал все то, что он запоминал. Причем он мог не просто тупо запоминать все для последующего воспроизведения, а еще и оперировать с этими данными, сравнивать их с другими и находить ошибки. Кому нужен сотрудник, который помнит наизусть не только все тонкости работы датчиков и механизмов, но и все распоряжения начальства за последние десятки лет, не говоря уже о сотнях конфиденциальных параметров распознавания различных валют? Знай о таких способностях центробанки с монетными дворами, его бы отловили даже и в филиппинских джунглях, вздумай он скрываться там, как его возможный родственник. И не факт, что оставили бы в живых. Приходилось всячески маскироваться и на совещаниях задавать внешне невинные вопросы типа «что-то Вы говорили о таком-то датчике, Ямада-сан? Какая там чувствительность?» И после получения ответа кто-то другой, будучи европейцем, частенько в сердцах хватился бы за голову, так как ответ полностью ставил крест на его предложениях, идеях или даже многонедельной упорной деятельности. «Если бы не я, многокупюрного приемника банкнот бы не было», подумал Онода и это не было преувеличением. Он был бы идеальным руководителем проекта. Сколько ошибок, противоречий и несуразностей обнаружено лично ним при проектировании! И на скольких удалось настоять его начальнику! Проклятому дуралею все везло и везло, хотя и глупостей им сделано... Конечно, ВНА механизм сложный и сотканный из множества противоречий, но, например, нельзя же настолько увеличивать удельный вес магнитных и ультрафиолетовых проверок в алгоритме распознавания. Онода неоднократно напоминал об этом, да и об иных решениях, ошибочных по его мнению, но чаще всего его просто не хотели слушать, а потом, в строго определенное законом время отправили на пенсию. Наверно, надо было поступить по-европейски, прыгнув через голову и доложив хозяину фирмы – при удаче ему бы удалось отомстить этому выскочке. Хотя... не исключено, что еще не поздно... Тем более, что сам Киюши уже не работает... И наплевать на фирму, которая так с ним обошлась... Внезапная мысль о мести начала приобретать все более и более реальные очертания и полностью занимала его мозг около трех часов. После продумывания до мелочей всех деталей Онода сладко зевнул, с удовольствием потянулся на футоне и закрыл глаза. Теперь он знал, что нужно делать и для этого нужно было выспаться, так как то, что он задумал, нужно делать с ясной головой. И перед полным погружением в крепкий сон он с удовлетворением осознал, что жизнь Киюши Онода вновь наполнилась смыслом.

Если жизнь одного японца приобрела осмысленность, то оставшиеся на ночь сотрудники IT-отдела Благовещенского филиала «Ультрим-Банка» в упор не видели ее в устроенной ночной деятельности. «Конечно, роман Дюма-Отца „Граф Монте-Кристо“ тоже заканчивался словами „Ждать и надеяться“, но на всех присутствующих, пожалуй, не найдется не то, что нескольких, а даже одной пещеры с сокровищами для того, чтобы делать это спокойно» – подумал начальник IT-отдела филиала. По местному времени было около 11 часов вечера, в Москве в это время было около пяти. Больше двенадцати часов назад московские программисты передали в работу обновление программы «Потребкредит». Как это бывало практически всегда, патч накатили неудачно, но обычная неудача не выходила за рамки трех-четырехчасовой неработоспособности. А сейчас происходило то, что бывало два-три раза в год – программа заткнулась более, чем на пол-суток. Эти чертовы олухи начинают работать с патчами в 3—4 ночи по московскому времени, а ведь на Дальнем Востоке уже рабочий день! Хотя местные менеджеры и начинают обзванивать клиентов за несколько дней, напоминая о том, что в такой-то день программой пользоваться нельзя, и по электронной почте пишут,

но, как всегда, находятся люди, которые пропускают это мимо глаз и ушей. На беду, сегодня среди таких оказался ключевой клиент банка, у которого все повисло во время оформления двух кредитов, один из которых был на огромный плазменный телевизор стоимостью под две-сти тысяч. Учитывая то, что сплавить эту, неизвестно зачем доставленную явно не в самый богатый город махину не удавалось полгода, разочарование торговой точки было, как минимум, чертовски велико. Директора магазина и филиала, естественно, очень жестко пообщались между собой, после чего вызванным на ковер автоматизаторам, не успевшим сказать и слова, устроили жесточайший разнос. Как метко охарактеризовал впоследствии это действие один из подчиненных: «Вкатили не простую клизму, а перцовую кружку Эсмарха ведер на 5—6». Спустя четверть часа в монолог явно подуставшего директора удалось вставить слово-другое, затем стало возможным вставлять даже отдельные предложения, а несколько позже поток сознания разъяренных сотрудников ИТ полетел в обратную сторону, передавая все, что они думают о Москве, о тамошних идиотских порядках и, в особенности, о тамошних программистах. После длительной взбучки речь их отнюдь не всегда была цензурной, но, на удивление, директор отнесся к этому терпимо, так как, видимо, начал воспринимать настроение людей и висящую в воздухе надпись «НАБОЛЕЛО!!!» По прошествии многоголосого ответа ИТ и предложения вечером позвонить в Москву, когда там появится начальство, все разошлись. Вечером директор, заранее созволившись с секретаршей предправления и пообещав ей в первый же приезд пару килограммов дальневосточной красной икры, за то, что она соединит его первым, начал «переговоры на высшем уровне» с участием начальника ИТ филиала и его заместителя. Немного остывшим людям удалось воздержаться от нецензурщины, но председатель правления по интонациям сразу понял, что дело плохо. Московским ИТ-деятелям было устроена взбучка, хотя и намного более слабая на вид, но ее внешняя слабость очевидно компенсировалась должностью первого лица банка. Пустячок, а приятно, хоть и приходится по указанию директора филиала сидеть ночью, чтобы проверить работу программы сразу же после восстановления работоспособности и немедленно сообщить о всех найденных ошибках (а они после такого патча будут, к бабке не ходи). К тому же, для разогрева председателю правления позвонили директора еще нескольких филиалов, хотя Благовещенский филиал банка всегда занимал особое место – он был Самым Первым филиалом. Обычно, региональная экспансия банка начинается с города-миллионника, в котором у банка есть акционеры. Если «по размеру» и чтоб не отстать от конкурентов банку пора было филиалы открывать, а в регионах ничего нет, начинали обычно с Питера. А тут город не самый большой, да еще на Дальнем Востоке. Но тут директор по развитию бизнеса показал свою мудрость – гораздо лучше начинать с не самого большого города и отрабатывать там все технологии запуска филиала. На одном из предприятий наклонился зарплатный проект? – ну так и начнем оттуда. Время показало его правоту – после полугодовой обкатки филиала, хоть и сопровождаемой разнообразными и множественными «приключениями», региональная экспансия банка пошла, как по маслу. Хотя тех людей, которые пять лет назад, начинали ИТ филиала, уже нет – работают у конкурентов, а тот, кто первым был, даже в Австралию уехал. Но их следы еще виднелись во многих местах. Начальник с гордостью посмотрел на известный ИТ всего банка легендарный коммутатор Cisco и поймал себя на том, что почему-то назвал его по-русски коммутатором вместо практически общепринятого английского слова switch. Да, в ИТ вытесняет английский язык наш «великий и могучий»... Кто же сейчас говорит «накопитель на жестком диске» вместо «винчестер»? «Принтер» давным давно вытеснил «алфавитно-цифровое печатающее устройство», как и «плоттер» «графопостроитель». На сканер уже русских слов не было... Так или иначе, этот switch работал без выключения более четырех с половиной лет – это было больше, чем у любого устройства в банке. Всем ИТ-отделом была куплена бутылочка хорошего французского коньяка для

того, чтобы отметить пятилетний uptime⁵ легендарной железки. Плохое настроение работников отдела, вызванное бессмысленной ночной работой, испортилось бы еще больше, если бы они узнали, что легендарный коммутатор придется перезагрузить до юбилея. А причины событий, по которой «легенда» превратится не только в фарс, а даже и в трагедию, привели бы их, как минимум, в полнейшее расстройство, по сравнению с которым сегодняшние события были показались бы просто мелкой неприятностью.

В отличие от неодушевленной железки, пока не дотягивающей до своего кратного пяти годам юбилея, житель Благовещенска Василий Петрович Соловьев уже встречал свое двадцатипятилетие в очень плохом настроении. Причиной тому был висящий на нем потребительский кредит. После того, как он взял калькулятор и посчитал действительный процент по кредиту с различными взимаемыми банком комиссиями, оказалось, что он может обслуживать только проценты по кредиту. Основной долг оставался почти не уменьшавшимся. Он прилежно платил минимальный платеж четыре месяца, пока не заметил по присылаемым по почте выпискам, что долг не уменьшился, а минимальный платеж, как ему объяснили в call-центре, это и есть тот самый платеж, при котором долг не уменьшается. «Ну и сам дурак, что вляпался» – в очередной раз подумал Василий. Первый кредит за фотоаппарат он отдал достаточно быстро, и почти сразу же сдуру взял второй, за большой жидкокристаллический телевизор и приспичило ему замахнуться на дорогой! Долг уменьшался очень медленно, несмотря на то, что он ужал расходы до минимума. Между тем приближались местные выборы и последующее увеличение расходов на коммуналку. А после этого как бы не начать в минус уходить. Повышение зарплаты в ближайшие полгода ему не светило – он говорил с начальником. Ситуация казалась безвыходной, когда он, снова и снова обдумывал ее, машинально глядя в проклятый телевизор (не разбивать же его, в самом деле). На сей раз, однако, мысли его были глубже и зашли несколько дальше обычного. Вымирающее племя восторженных романтиков, после поверхностного знакомства с ситуацией, объяснили бы неожиданную глубину мыслей Василия грустным юбилеем, который, по безденежью пришлось встречать самому с собой. Однако, намного более многочисленные здравомыслящие циники сразу бы сказали, что большая глубина мыслей Васюки объяснялась накатанным в одиночестве стаканом дешевой водки практически без закуски. Так или иначе, по «циничной» или «романтической» причине ход мыслей Василия стал весьма и весьма нестандартным:

«Если банку нельзя отдать деньги, значит, необходим каким-либо образом его обдурить... Как??? Всего-то нужно сделать таким образом, чтобы деньги упали на счет... А кто из персонала подставится таким образом? Кассир? с него же эти деньги и снимут... Системные администраторы? не выставляйся идиотом даже перед самим собой, Вася... Ты ведь кое-что понимаешь в компьютерах. Все пишется в лог-файлы, к которым местные и доступа-то не имеют... А московские с такой мелочевкой, какой покажется твой долг, и мараться-то не станут... Сдадут тебя сразу же и еще благодарность от начальства получают... Приемный банкомат...» Мысль застыла, а потом побежала быстрее. «Приемный банкомат, он же Cash-In. Безопасников там нет, кассиров тоже. Основная проблема – как сделать так, чтобы вместо денег принялось кое-что попроще... А там упала бумажка в сейф и делов – ищи потом, чья она. Да, но проблема та еще... С большой буквы проблема. Рисовать-то ты умеешь, и неплохо. И на компьютере и по-старинке „вручную“. Положим, с визуалкой будет все ОК, при наличии более-менее сносной бумаги можно и подобие водяного знака намалевать попытаться, если с простым карандашом часок помаяться. Ультрафиолет? ручки с такими чернилами для забавы детей продаются во многих местах. Большие знаки-то ты нарисуешь... А маленькие, о которых не знает Василий Соловьев, но знает детектор? Да и к тому же, не только в ультрафиолете дело.

⁵ Время работы без перезапуска

На долларах точно есть магнитные точки, которые проверяются детекторами. Как же! У знакомого купюру в пятьдесят баксов, которые лежала спрятанной от жены в колонке с мощным динамиком, потом детектор выкидывал, как фальшивую. А каковы магнитные точки на рублях? – у кого попало ведь не спросишь... И все же... Иного выхода пока не видно, а под лежащий камень вода не течет. Попробовать-то всяко стоит. Надо поспать и завтра начать шариться в интернете, может, и найдешь чего. Интернет в доме есть и канал неплохой – 256К не модемы, на которых еще полно народа сидит. Дом у него – что надо, рядом с провайдером... И вообще, хорошо хоть с хатой все в порядке, своя, не съемная. Хотя кому она нужна, хата в этой дыре... Это москвичей квартирный вопрос вконец испортил» в полудреме подумал Вася и заснул на диване под монотонное бормотание телевизора.

Квартирный вопрос действительно мучил москвичей. Одним из них был старший системный администратор Ультрим-Банка. Среди множества распечатанных картинок, которые часто вешают сисадмины в своих закутках, был уныло бредущий сторбленный офисный работник с потертым портфелем, фасон которого был моден лет за двадцать до даты рождения повесившего картинку. Поверх портфеля была нанесена надпись: «С моей зарплатой копить на квартиру 534 года и 7 месяцев. Где СПРАВЕДЛИВОСТЬ?». Хотя с зарплатой системного администратора копить надо было всего-то около 75 лет, вопрос был чертовски актуальным. Впрочем, справедливость была понятием абстрактным, и самым свежим доказательством оторванности ее от жизни было то, что сисадмины сегодня получили совсем не абстрактных, а чертовски конкретных тумачков, и, самое главное, ни за что. Какой патч программисты принесли, такой и поставили, причем в строгом соответствии с полученной инструкцией. Начать ставить раньше они тоже не могли – до трех идет репликация базы, пока все тихо и Москва с европейской частью России не работает. Проработав в банке больше двух лет, поговорив с ветеранами и волей-неволей узнав предысторию, Владимир понимал, в чем тут дело. Программа «Потребкредит» писалась в невероятной спешке, «на коленке» и на языке программирования, который использовался для обучения студентов, а не для серьезных проектов. Автору ее сказали, что максимум, на который надо рассчитывать – сто тысяч клиентов. Однако, таковых было уже раз в тридцать больше и все промахи в изначальном проектировании системы переросли в ее органические пороки. К тому же, бизнес-подразделения банка навешали на злосчастный «Потребкредит» великое множество различного рода функций, которые автор программы вначале прилежно вписывал туда один, потом вдвоем, потом впятером... Потом появился целый отдел разработки, затем отдел тестирования, который был сугубо необходим, так как программа под напором противоречивых бизнес-требований все больше напоминала кучу-малу и внося одни изменения, программисты часто ломали то, что работало уже годами. Один скрипт тестирования уже разросся до двухсот с чем-то пунктов! – есть над чем отделу тестирования трудиться, не зря хлеб едят. А выкинуть эту программу было уже нельзя, так как ни один сторонний разработчик не был настолько безумен, чтобы подписаться (и потом отвечать живыми деньгами) за реализацию всего, что нагородили за несколько лет. Да и со стороны банка одно составление ТЗ займет невесть сколько времени и не факт, что все вспомнят. Вот кто от этого бардака выиграл, так это отец-основатель «Потребкредита». По слухам, зарплата его уже несколько лет была просто немеряной и, уж что точно, он был один из немногих, если не единственным человеком, который мог спорить без последствий с директором ИТ банка. И из-за которого сегодня Владимир и остальные сисадмины схлопотали – не ругать же великого автора, в самом деле. Все они пытались не спорить, но вежливо аргументировать свою позицию, предъявляли инструкции и лог-файлы установки, но все равно получили вердикт «Плохо работаете». «Вот ведь хренов отец-основатель, пропади он пропадом», подумал Владимир. «Уж он-то себе хату купил». Хотя «отец» еще делал что-то полезное, а вот тот деятель из маркетинга, навязавший им кривую

систему на Microsoft SQL Server и еще с вероятностью 99,9% взявший за нее «откат», которого на три квартиры хватит...

Вообще, «откаты», скорее всего, и брали. С этим пытались бороться различного рода бюрократическими препятствиями – в разных банках заседали комиссии, устраивались конкурсы, постоянно действовали по-разному называемые комитеты. В Ультриме тоже был свой тендерный комитет, однако, толку от него было очень и очень мало (по единодушному мнению почти всех, разве что кроме членов самого комитета). Во-первых, быстро закупить что-то нужное становилось практически не возможным. На написание технических требований по чему-то мало-мальски сложному, которые требовалось выставлять в Интернет, уходило минимум несколько дней работы. Малейшая ошибка приводила к тому, что ушлые поставщики норовили всучить что-то формально соответствующее требованиям, но совершенно непригодное к эксплуатации. А виноваты, естественно, были те, кто писал заявку на тендер. Во-вторых, эти требования нужно было перед вывешиванием в Интернете защитить перед тендерным комитетом, члены которого были, мягко говоря, далеки от техники – типа заседавших там главбуха и директора казначейства. Дело дополнительно осложнялось и тем, что некоторые члены тендерного комитета на дух не переносили пару-тройку иных его участников, отвечавших им взаимностью, соответственно, голосования по мало-мальски сложным заявкам проходили, как правило, со счетом 5:4. Те, кто сумел не только написать, но и протащить несколько заявок через тендерный комитет, грустно вздыхая, говорили, что после такого жизненного опыта они могут уверенно и безбоязненно ходить по минным полям – это намного проще. Конечно, в каждой шутке есть доля шутки, но в этой горькой усмешке пресловутая доля шутки явно стремилась к нулю. В третьих, по правилам проведения тендеров весовой коэффициент цены при сравнении предложений не должен был быть меньше 60%. Сказку «О попе и работнике его Балде» и знаменитое «Не гонялся бы ты, поп, за дешевизною» вроде бы должны были в школе изучать все члены комитета, однако этот корм пошел явно «не в коня». Дело дошло до грандиознейшего скандала при закупке ответственной «железяки» (в терминологии членов тендерного комитета) – тендер на центральный маршрутизатор сети всего банка чуть не выиграла китайская компания, подсунувшая устройство в 3 раза дешевле, чем Cisco. А написать в условиях «только Cisco», естественно, было нельзя – у членов комитета сразу же возникли бы вопросы. Да и, честно говоря, никто просто не ждал от китайцев такого нахальства. Конечно, через десять лет китайское сетевое оборудование вполне можно было использовать, но этим десяти годам еще только предстояло пройти... Отбиться удалось только публичной апелляцией IT-директора к правлению о том, что при закупке этого ответственность за сеть он не принимает, появлением председателя на тендерном комитете и истерическим воплем автора заявки на закупку, у которого совсем сдали нервы:

– «А давайте мы членам тендерного комитета КИТАЙСКИЕ служебные автомобили купим! Раз им так нравится все китайское и дешевое!»

Предложение это было встречено, мягко говоря, без энтузиазма, однако председатель правления, поняв серьезность момента, счел нужным его поддержать и тут уже пришлось выкручиваться самим членам комитета. Об этом вспоминали со злорадным весельем. Если китайское сетевое оборудование через десять лет можно было использовать на самых ответственных местах, то китайские автомобили и тогда не тянули на представительский класс. В итоге замятого председателем скандала было закуплено то, что нужно, правда, заоравшего, к его собственному удовольствию, больше не посылали на комитет от греха подальше. Сколько банк потерял на том, что все закупки задерживались минимум на месяц и сотрудники, вместо того, чтобы заниматься делом, писали бумаги, объясняя ничего не понимающим людям, что и зачем покупается – не пересказать... И если бы это хоть как-то помогало в борьбе с откатами... Потенциально «откатная» заявка на закупку изготавливалась очень просто и легко. Её просто-напросто отдавали писать тем, у кого планировалось делать закупку. Само собой,

поставщики знали свои сильные стороны и слабые стороны конкурентов. Весовые коэффициенты собственных сильных сторон завышались, провалы конкурентов раздувались из мух до слонов с соответствующим снятием итоговых баллов в условиях... После этого пробивающий закупку изучал требования, проговаривал с поставщиком возможные возражения и объяснения на комитете и вуаля! В общем, на комитет вносилось именно то, что нужно для покупки конкретного продукта, причем эта закупка даже без всяких откатов часто была совершенно необходимой, а уж давали кому там какой откат, или нет – понятное дело, никто не признавался. Поговаривали даже, что если у начальника было достаточно много дел, подобные фокусы удавалось проворачивать и подчиненным, подсовывающим заявку на подпись именно тогда, когда босс загружен. Естественно, самим начальникам подобные ухищрения не требовались... Так и была закуплена та ублюдочная система, которую им сегодня на разносе тоже припомнили. Вздрючить их за потребкредитовский патч не удалось, «все ходы были записаны», так припомнили, что поставщик этой откатной дряни пожаловался на то, что администраторы не сразу ставят патчи на базу данных SQL-Server. Естественно, дело было не в патчах, а в присутствующих в программе многочисленных глюках, но признаваться в них поставщику не с руки – гораздо проще на администраторов все свалить. А ведь дело не только в лени или раздолбайстве сисадминском – сразу же ставить патчи от Microsoft на ответственные системы, не подождав неделю и почитав с интересом в Интернете, не сломали ли чего патчем на этот раз, просто безответственно. Ну что же, второй раз Владимир со товарищи этой ошибки не допустят. Он быстро настроил служебную записку, в которой требовал получить от разработчиков письменное подтверждение того, что они требуют немедленной установки всех патчей, в противном случае установка будет производиться с недельным интервалом. «Интересно, будут ли они так глупы, что подпишутся под немедленной установкой?» – подумал Владимир, отправляя записку на печать. Глаза его опять остановились на картинке с полутысячелетним накоплением на квартиру и он в который раз невольно задумался о пяти тысячах долларов за квадратный метр и о числе людей, не могущих позволить себе жилье...

Стандартное мучение квартирным вопросом в Москве – проживание молодого поколения у мамы/папы или аренда квартиры за невозможностью купить свою. Однако, встречались и чрезвычайно нетипичные случаи. «Мою-то жизненную ситуацию точно типовой не назовешь» подумал Сергей Артемьев. Много ли семнадцатилетних не только похоронили отца и мать, но и остались без наследственной жилплощади, в которой были прописаны? Причем в относительном соответствии с законом. А всему виной проклятые автомобили, так их-разэ-дак... В тяжелые жизненные минуты он часто думал о том, что вместо того, чтоб так мыкаться по жизни, не имея обеспеченного будущего, надо было и ему поехать с предками на дачу, вылететь на встречную полосу, удариться лоб в лоб с машиной зампреда страховой компании и сгореть. На беду, жена этого страховщика выжила, вывалившись горячей из взорвавшейся через две секунды машины, и раздела его в суде догола, с учетом не полученных покойником за его жизнь доходов, погибшего сына, ее ожогов последней степени и прочая и прочая и прочая. Он было попытался искать правду, но после разговора в подворотне с группой хмурых товарищей и их реплики «Мама с папой тебя искать не будут», сдался. Потом в дело вступили юристы страховой компании, призванные для придания делу внешней юридической чистоты: дачу отняли сразу, а продавать квартиру подождали до совершеннолетия – ведь «выселение несовершеннолетних незаконно». К счастью, по собственному недосмотру они точно определили сумму ущерба согласно годичной стоимости жилплощади, а за год хата стала стоить на 60 тысяч долларов больше. «Которые им по продаже и пришлось выплатить» – с удовлетворением подумал Сергей. Хотя толку... Положив деньги под 10% с ежемесячной выплатой процентов он получал рублями по 500 долларов в месяц. В 1998 году это были деньги а сейчас... Громкий смех кур, не более того, хотя и лучше, чем ничего. Во всяком случае, он даже

ухитряется раз в месяц попить приличного пива. Тяга к питью Гинесса была одной из очень немногих привычек, оставшихся от старых добрых времен, когда родители были живы. Ему еще повезло, что бабка с отцовской стороны взяла его к себе. Лет двадцать назад она напрочь разругалась с отцом на почве не нравящейся ей невестки и до смерти родителей он и не знал, что у него есть вторая бабушка. Квартиру свою старуха, конечно, завещала другому сыну, который женился «как надо» и теперь пил почти не просыхая, не иначе, как в результате правильной женитьбы. Прописывать Сергея постоянно она и не думала, но он невольно желал старухе здоровья. К счастью, бабка была крепкая, хоть изредка и жаловалась на сердце, и, что еще лучше, глуховатая. Это помогало ему сидеть в интернете ночи напролет, избегая скандалов. Для избегания таковых днем он проявлял демонстративную почтительность, бегал в магазины и сберкассу, тратя на свой прокорм и оплату коммуналки с интернетом не только бабушкину пенсию, но и часть собственного дохода. Учится ему приходилось очень усердно. Сергей фыркнул, подумав об этом и о том, что после смерти родителей он стал настолько положительным, что хоть икону пиши. Хотя это и случилось невольно – не попади он в такую ситуацию, был бы раздолбай-раздолбаем. Курить Сергей бросил, пить практически тоже, с ленью в учебе покончил напрочь. Он начал больше читать, интересоваться почти всем, до чего добирался его любопытный ум, домашние задания он делал отлично. К счастью, его не прогнали из платной физико-математической школы – один из благотворительных фондов, узнав о несчастье, отвалил более трех четвертей суммы за учебу, а остаток простила администрация, которой, как оказалось, тоже не была совсем чужда человечность. В сочетании с собственным трудолюбием это позволило Сергею поступить в Бауманку с оплатой обучения из бюджета, но и после поступления круг его интересов практически не сузился. В особенности он интересовался программированием и работой с серьезными операционными системами, коими считал только unix-семейство. Для такого мировоззрения было естественным то, что на компьютере Сергея стоял linux. Он даже из любопытства читал про создание кластеров, которые в домашних условиях делали только настоящие компьютерные маньяки, не слишком ограниченные в средствах. Но сейчас болела голова, думалось совсем плохо и Сергей решил выбраться на ежемесячный обряд питья пива, оставив компьютер включенным для скачивания очередного дистрибутива linux на безлимитном тарифе.

Игнат Владимиров походил на Сергея разве что возрастом и наличием безлимитного интернета. Пил он намного чаще, да еще и курил, временами не только табак. Родители его были живы, в интернете он лазил по сайтам с новостями, приколами и порнухой, пока учебные вопросы не донимали настолько, что приходилось залезать во всемирную паутину за ответами. При этом он отнюдь не был дураком. Изобретательности и находчивости Игнату было не занимать – не зная практически ничего, после однодневного чтения учебника по диагонали, он ухитрился сдавать экзамены, хоть и в более заштатном ВУЗе. Но денег ему, как и многим молодым, да и не только молодым людям, не хватало. Деньги уходили в том числе и на хобби – модели самолетов в масштабе 1/72, часто достаточно дорогие. К этому его приучил отец – летчик гражданской авиации. Игнат очень аккуратен и с любовью клеил и окрашивал маленькие самолеты и вертолеты, и вообще очень здорово умел работать руками. Но если бы деньги уходили только на модели... Пиво-водка с друзьями, сигареты, интернет... Он ухмыльнулся. Как это там поется на мотив «Бременских Музыкантов»:

«В интернете что не нажимай ты,
Все равно зайдешь на порноса-а-а-йты!»

Само собой, за порнуху в интернете он, если и платил, то только ворованными номерами кредитных карт, которые нет-нет да и мелькали на специфических сайтах. До массо-

вого проникновения широкополосного доступа оставалось еще около года. Еще чуть больше времени оставалось до распространения торрентов и многотерабайтных складов порнографии в локальных файловых сетях, в которых даже такие специфические каталоги, как «Кони», занимают десятки гигабайт, не говоря уже о гетеросексуальных разновидностях... Но это время еще не наступило и дармовая интернет-порнография специально работала таким образом, чтобы показывать минимум, при этом выкидывая десятки разных рекламных окон и баннеров, запуская подозрительные скрипты, и в то же время давая ссылки на платные сайты, рассчитывая на то, что у кого-то рано или поздно откажет терпение и он согласится заплатить. Но не тут-то было! очень многие норовили платить сгенерированными или ворованными номерами карт. Так же делал и Игнат. Азы карддерства он познал очень быстро и понимал, что на засветившихся номерах карт много не наваришь, разве что разок-другой залезешь в платный раздел «интересного» сайта. А вот с реальным товаром ничего не выйдет. Даже если и заказать внаглую какую-нибудь модельку фирмы Revell или MatchBox из-за бугра – служба безопасности живо отследит покупку по «паленой» карте. Вот если бы была как минимум, данные с магнитной полосы карты... На карддерских форумах он читал, что официанты очень часто делают копии магнитных полос, когда уносят карту от клиента для проведения авторизации. Однако, идти в официанты для этого Игнату совсем не хотелось. К тому же, с одной магнитной полосой ненамного лучше, чем с номером. Надо каким-то образом сделать карту, похожую на настоящую и идти в магазин за покупками. Это представлялось реальным разве что «в теории относительности». Если к электронному терминалу и не подключена клавиатура для ввода ПИНа, продавцы нынче пошли ушлые и даже если подделка не вызовет подозрений, обязательно спросят паспорт – и его что-ли подделывать? Вот коли бы к полосе еще и ПИН прилагался... За границей такое делали – Игнат читал, что жулики устанавливали фальшивый банкомат, который аккуратно считывал и записывал все нужные данные. В том банкомате якобы заканчивались деньги, а потом они быстренько заканчивались и на счетах незадачливых бедолаг, которых угораздило сунуться не туда, куда следовало бы. Однако, устроить установку фальшивого банкомата еще сложнее, чем подделать карту. «Мечтаешь...» – подумал Игнат. В принципе, ловкачи ухитрялись делать и наклейки на клавиатуры банкомата, считывающие ПИНЫ, но что толку в ПИНе без номера карты? Они-то работали группой – один снимал наклейку, а второй после проведения операции крал из кармана карту. Игнат призадумался еще и вдруг его охватило озарение – перед мысленным взором мелькнуло техническое Решение не просто с большой – с огромной буквы. «Какие же дураки делают именно такую наклейку? МНЕ тырить карточку и не понадобится! Нужно только решить вопрос с цветом пластмассы, креплением, питанием и докупить кое-что». Пожалуй, для такого придется отказать себе в не только в приобретении одной модели, но и в паре-тройке вечеринок. «Ну что же, для такого надо и ограничить себя кое в чем» подумал Игнат, собираясь на радиорынок.

Со стороны могло показаться, что Семен Моркофьев тоже ограничивает себя самым жесточайшим образом. Однако, казавшееся самоограничение происходило лишь от крайне ограниченных потребностей Семена, у которого лежало больше, чем по четыреста тысяч долларов в и российском и в немецком банке с сетью отделений в Москве. Собственно, что еще нужно математику для работы, кроме спокойствия, набитых соответствующими книгами стеллажей и возможности разговаривать самому с собой, уже пару лет, как не отвлекаемом воплями жены, на которую он еще за полгода перед разводом совсем перестал обращать внимание. Когда он почувствовал, что проблема, над которой он работал около двадцати пяти лет, возможно, решается, Семен ненадолго отвлекся от своих дел и обвел жену вокруг пальца с прямо таки с истинно математической точностью. Отец, у которого была квартира в районе Кропоткинской, задышал на ладан, поэтому он развелся с женой, даже обменяв при разделе имущества полученную трехкомнатную квартиру на ее убогую двушку. Зато, после смерти отца, про-

дав его квартиру на еще не названной так золотой миле за восемьсот тысяч, Семен имел тысяч шестьдесят в год, положив по половине денег в разные банки. Делить эту сумму после развода, само собой, не требовалось, да и жизнь поспокойнее стала. Сегодня он разговаривал с собой особенно громко, так как проблема была на пороге решения.

«Да, много ты времени на это потратил» – подумал Семен, отвлекшись. Несмотря на то, что он был предельно сосредоточенным, Семен невольно вспомнил свою предшествующую жизнь. Как его, отличника, колотили в первом классе... И как бросили, месяца через три-четыре после того, как Семен записался в секцию самбо. Первое место на олимпиаде по математике в школьные годы, взятое с таким отрывом, что второе и последующие места решили не присуждать... Мехмат МГУ, на котором он учился, конечно, с трудом, но не с таким, как остальные. Злобно завидующие сокурсники (таковых было немного и уровень злобности коррелировал с их бесталанностью) ругаясь, говорили, что Семен по-жизни пребывает в N-мерных векторных пространствах и это помогает ему в решении всех задач. Он и не отлаивался, зная жизненное правило о том, что никогда не надо спорить с дураками, так как люди не заметят разницы между спорящими. Это делали за Семена завидующие по-доброму таланты, признававшие, однако, его превосходство. После реплик о том, что критики Семена сами регулярно бывают в таких пространствах, только не помнят ничего, так как хорошо выпили перед этим и последующего хихиканья вопрос на время закрывался. Приглашение в КГБ на последнем курсе, «от которого нельзя было отказаться» в советское время. Проникновение на работе в настолько абстрактные области математики, и в особенности теории множеств, о которых он даже на мехмате и представления-то не имел... Именно тогда зародилось Дело всей его жизни. Ломанье американских шифров... Он усмехнулся, вспомнив о том, как разломал систему кодирования, в основе которой лежали псевдослучайные данные об атмосферном давлении, направлении ветра, электронном шуме и прочей ерунде, снимаемой датчиками в определенном месте в США... Сначала разведчики узнали, где именно стоят датчики, потом, прикинувшись монтерами или мойщиками окон, поставили свои миниатюрные датчики на крыше недалеко от американских... А дальше – год с небольшим работы и чтение секретных документов в течении двух с половиной лет, пока это не сдал сбежавший на Запад «крот»... Удивление коллег, когда недавно взятый на работу «математик» завалил всех на внутреннем турнире по самбо – оказалось, что отнюдь не все математики яйцеголовые... Да еще и проявившиеся совсем не математические способности к языкам... Попытка после этого утащить его в другое подразделение – он даже начал обучаться в разведшколе, но начальник «лег костями» и отстоял Семена... Потом развал союза, организационная чехарда, преобразование в ФАПСИ... Семену настолько это осточертело, что он вышел на пенсию сразу по достижению нужной выслуги. И каждую минуту за все эти годы какая-то часть мозга Семена продолжала работать над ПРОБЛЕМОЙ.

Семен хотел войти в историю. Конечно, его бывшим работодателям это не понравилось бы, но профессиональное тщеславие, свойственное всем настоящим мастерам и истинным профессионалам, всегда находит себе дорогу, как вода находит дырку в крыше. Кое-кто доказывал теорему Ферма, кто-то занимался более абстрактными областями математики, но он хотел решить прикладную задачу взломать не поддающийся никому с 70-х годов алгоритм шифрования DES. Скорее всего, над этим работал не только он. Но Семен надеялся быть первым, а взлом алгоритма, являющегося стандартом de-facto не только в США, на котором множество лет держалась не только государственная, но и большая часть коммерческой криптографии во множестве стран мира однозначно вписывал взломщика в летопись криптографии золотыми буквами. Очень многие математики обломали зубы на взломе этого алгоритма, а вот ты, Семен Моркофьев, пожалуй, додумался как это сделать. И очень-очень близок к решению, кстати, надо бы им и заняться...

Моркофьев взял еще один лист бумаги, положил его так, чтобы были видны результаты предыдущих действий, разложенные почти по всему столу, и, говоря сам с собой, начал доделывать преобразование, которое считал последним. Заполняя бумагу различными математическими загогулинами, не слишком понятными не то, что обычным людям, но и большинству математиков, Семен одновременно в фоновом режиме перепроверял написанное. Дописав, он внимательно посмотрел на полученную формулу и подставил в нее базовые константы алгоритма DES. Рассчитав результат на калькуляторе и перепроверив его, он посмотрел на итоговую цифру, которая чертовски ему не понравилась. И, чем больше Семен смотрел на результат, тем большее недовольство, переходящее в отчаяние, накатывало на него.

Требовался всего-то навсего суперкомпьютер. Безусловно, формула Семена сокращала вычислительные расходы на взлом на десятки порядков, но ломать данные, зашифрованные ключом двойной длины (а других в серьезных системах и не применяют уж лет пять) за приемлемое время в несколько часов можно было только на суперкомпьютере из мирового TOP-500. А найти его... Семен чувствовал, что упростить формулу он не сможет – и на эту-то ушло множество лет. В душе у него была непривычная пустота – в кои-то веки занятая проблемой часть мозга была свободной. Опубликовать работу в независимом журнале без экспериментальной проверки Семен не мог. И отнести открытие к старым знакомым на Лубянку он тоже не мог – уж там-то взлом DES-а живо засекретят. Хорошенько запомнив итоговую формулу, он продолжал выбирать меньшее из многих зол. Да уж, тут ситуация из разряда великой мудрости прапорщиков: «Куда солдата не целуй, всюду жопа...» Кроме того, Семен Моркофьев может и ошибаться – очень не здорово будет, если сунуться в какой-то журнал без проверки, а какой-то не менее умный человек живо найдет там ошибку? Надо каким-то образом проверять, проверять, а как??? Внезапно Семен впервые в жизни ощутил на себе одну из причин русского пьянства – эдак с горя можно и запить, когда чего-то очень хочется, а никак не может. Хотя законченным пьяницам уже скорее лениво, чем не может... Но после решения задачи возникшая мысль о смазке житейских мыслей пивом была, в сущности, неплохой. Да и отдохнуть не мешало бы. Семен оделся, вышел из дому и направился в «Молли Гвиннз» на Пятницкой. Моркофьев и не предполагал, что сегодня же он не только решит вопрос с суперкомпьютером, но и полностью определит дальнейший ход своей жизни.

Часть первая. Весна

Глава 1

Зайдя в «Молли» и взглянув на то, что все столики были заняты, Семен прикинул, какой сегодня день недели и чертыхнулся про себя. На пенсии забываешь обращать на это внимание, но жизнь напоминает о том, что сегодня пятница. Толпа жаждущих после работы была гуще обычной. Ну ладно, во всяком случае места у стойки есть. Он присел на высокий круглый стул, даже скорее стульчик, если смотреть не на высоту, а на ширину места для задницы, и живо подошедшая к нему симпатичная официантка в клетчатой юбочке намного выше колен деловито приняла заказ на кружку Гиннеса и сухарики. В ожидании заказа Семен продолжал размышлять над своими проблемами, но так ничего и не домыслил. При этом он машинально наблюдал за все прибывающими и прибывавшими посетителями – эдак и у стойки мест не останется. Когда принесли пиво, Семен осторожно распрямился на стуле – опорная площадь маленькая, при резких движениях и кувыркнуться не долго, поднес кружку ко рту, сделал глоток и почти донес пиво обратно до стойки. Поставить пол-литровую кружку помешал неловкий толчок в спину от посетителя, пробиравшегося к свободному месту рядом с ним. Около половины пива расплескалось, хорошо еще, что не на штаны. У ловкого бармена живо оказалась неизвестно откуда прыгнувшая ему в руки тряпка, которой тот проворно устранил последствия незапланированного разлива пива. «А запланированные-то разливы пива разве бывают?» – подумал Семен и раздраженно обернулся к виновнику происшествия, находившемуся за спиной.

– Ну и что теперь?

Сергей Артемьев поднял глаза на того, чье пиво он разлил. Хотя уже и пожилой, но здоровенный бугай, точно рост на табуретке не определишь, но около метра восьмидесяти минимум. Настроен явно не добро, хотя кто же может быть добр в такой ситуации? Мысль о том, чтобы быстренько смыться, была отмечена сразу, также, как и послать мужика с его претензиями куда подальше. Это достаточно вероятная дорога к тому, чтобы хорошенько и с чувством получить на улице по морде, а рисковать Сергей не мог – на установку вставных зубов денег не было.

– Извините... – пролепетал Сергей. Я закажу вам Гиннес вместо разлитого»

Официантки начали орудовать не столь быстро – народ прибывал и прибывал. Сергей сел рядом с Семеном на такую же табуретку и начал искоса рассматривать человека, из-за не вовремя распрямившейся спины которого он будет пить пиво только через месяц. Среди многих способностей Сергея, невольно раскрывшихся после смерти родителей, стала неестественная для его возраста наблюдательность и то, что наивные люди называли «умением читать в душах». Умение это объяснялось отнюдь не телепатическими способностями, чудесным образом прорезавшимися в Сергее, а просто внимательным наблюдением за лицами, жестами и поведением людей и умением делать из этого выводы. Обычно такое развивается у внимательных и умных людей к 30—40 годам, но жизнь заставила его натренировать это раньше... Хмурость лба у сидевшего по правую руку объяснялась не только злостью от разлитого пива, которая, судя по тому, что уголки рта уже не были опущены, явно сошла на нет. Взгляд мужика был отсутствующим, не сфокусированным и устремленным неизвестно куда. Да и менее наблюдательный человек заметил бы довольно низко согнутую спину и подбородок, опиравшийся на кулак, прямо как у «Мыслителя» Родена. Мужичок явно о чем-то глубоко и сильно задумался – интересно, о чем бы это? Сергей начал было подумывать о том, как бы потихоньку смыться, воспользовавшись чужой задумчивостью, но тут подошла официантка.

– Пол-литра Гинесса.

Сделав заказ, Сергей вновь покосился на мужика, встретился с ним взглядом и почувствовал, что стал объектом не менее внимательной оценки с его стороны. Отсутствующий взгляд стал неожиданно твердым, внимательным и в полумраке казалось, что в глазах соседа слегка светится что-то неестественное, как у Терминатора. «Ну и смотри...» – мрачно подумал Сергей и секунды четыре-пять отвечал мужику взглядом, затем медленно отвернулся и уставился на суетящегося бармена. Однако он продолжал чувствовать на себе взгляд и ему не оставалось ничего, кроме как дожидаться каких-либо последствий тех выводов, которые сделает сосед после столь внимательного и неприкрытого разглядывания.

Первой же мысль Семена после сделанного соседом запроса официантке была о том, что у парня странный состав заказа. По идее, нужно было заказывать два пива, раз уж он пришел сюда. Моркофьеву было уже за пятьдесят, в людях он начал разбираться задолго до этого возраста и, кроме преимуществ в жизненном опыте, еще и обучался в разведшколе, в которой ему не раз говорили о том, что особое внимание нужно обращать на глаза собеседника, по которым опытный человек может очень много чего распознать. Порой Семену даже становилось смешно от того, насколько недалеко очень многие взрослые ушли от детского стишка:

Нет, у него правдивый взгляд,
Его глаза не врут.
Они правдиво говорят,
Что их владелец-ПЛУТ

Уж кем-кем, а плутом сидящий рядом парень явно не был. Однако, в его глазах было что-то странное, хотя и знакомое Семену. Взгляд парня казался неестественным и одновременно виденным несколько раз у других людей. Семен, как всякий хороший математик, любил трудные задачи и невольно уставился на парня, стараясь заметить побольше деталей, которые могли бы подсказать решение неожиданно свалившейся на него загадки. Возраст – около двадцати, скорее даже «до», чем «около». Одет – явно не шикарно, скорее даже излишне скромно, но опрятно. Штаны да свитерок, кстати, довольно сильно поношенный с катышками на рукавах. Никаких идиотских украшений, ирокезов, продырявленных на полтора сантиметра ушей и прочей дряни – парень, по крайней мере, достаточно сообразителен для того, чтобы понимать, насколько убоги попытки не лучшей части молодежи выпендриваться нетрадиционным внешним видом. И ведь на подсознательном уровне, напяливая на себя тряпье, которое в самый раз для сумасшедшего дома, все же понимают, что выделиться умом не удастся, так как его просто нет. В глаза смотрел секунд около пяти – достаточно для того, чтобы показать то, что взгляда не боится и не выказать дальнейшим удерживанием взгляда излишней агрессивности... И почему этот взгляд мне знаком и в то же время кажется неестественным именно у этого хлопца? У кого ты вообще такой взгляд видел? – в том-то и дело, что на таком лице ни у кого... А у кого вообще видел? Некое подобие такого взора было у хронического алкоголика, но парень на него явно не тянет, и не только потому, что по возрасту рано, рожа не красная и руки не трясутся. Взгляд был не совсем схожим, да и алкаш заказал бы еще и водочки, если не считать того, что он и не пришел бы в такое заведение тратить время. В подворотне заправиться дешевой водкой всяко быстрее... Однако, забыл ты, Семен, на старости лет, что кроме алкоголиков еще и наркоманы бывают, да еще и молодые. Но это объясняет только бедность, а совсем не опрятность. К тому же! – у трезвых алкоголиков с наркоманами вид, хоть и унылый, но еще и подсознательно жаждущий, а здесь этого нет – вот оно, существенное отличие, до которого ты, Семен, сразу не додумался. Пожалуй, на этом алкогольно-наркотические теории отменяются... У кого еще подобный взгляд? – мужик из спецназа, провоевавший в Чечне три года. Не тянет – молод еще, сомнительно, чтобы парниша хоть раз в жизни за авто-

мат брался. К тому же комплекция на солдата явно не тянет – щуплый очень. Хотя, кто его знает, возьмем гипотезу на заметку. Если он вырос в горячей точке – мог и за свою недолгую жизнь перебить больше народу, чем в этом зале сидит. С молодежью есть одна опасность – ее очень легко недооценить, особо скромную и сообразительную, и об этом надо помнить... Кто еще так смотрел? – коллега, схоронивший сына. Явно напрямую не клеится, возраст у парня такой, что в графе анкеты «Дети» надо чистосердечно вписывать «Не знаю». Вряд ли женат, кольца на пальце нет, хотя явно есть некая придавленность жизнью, есть... Мысли Семена были прерваны барменом, самолично подтащившим парню пиво – официантки начали зашиваться. И тут парень сказал такое, чего Моркофьев совсем не ждал:

– Ну что ж, Ваше пиво принесли. Вот деньги, а я пошел.

Семен поймал себя на том, что непроизвольно вытаращил глаза, однако быстро взял себя в руки и положив руку на плечо соседу, без особых усилий удержал его движение.

– Парень, студентов я не граблю. Ты ведь учишься?

– Да, в Бауманке на первом курсе.

Моркофьев подвинул к парню кружку.

– Пей. Я-то думал, что определенная порода людей осталась в средневековье, если не в истории древнего мира.

– Какая именно?

– Скромные, ответственные и одновременно молодые люди. Нескромных-то с безответственными и у старших полным-полно. Тебя что, родители перевели на самоокупаемость?

– Нет у меня родителей.

– Как нет? – машинально спросил Семен.

Глаза у парня очень недобро сверкнули.

– Мужик! Могила на кладбище. Свидетельства о смерти дома у бабки. Желаете для проверки к бабушке в гости сходить или просто на сон грядущий по кладбищу на могилку прогуляться?

После этого наступило неловкое полуминутное молчание. Задача, которая заинтересовала Семена, решила сама собой, но удовлетворение от такого решения совсем не чувствовалось. Он поймал пронесшуюся мимо официантку:

– Два Гинесса и двойную порцию гренок

Сергей попытался было отнекаться от угощения, но, в основном, для очистки совести. Бармен, видимо, тоже прислушивался к ним, после речи парня, звучавшей громче обычного – заказанное было поднесено им меньше, чем за две минуты. Моркофьев, улыбаясь про себя, смотрел, как юноша просто сметал гренки с тарелки и, само собой, не был расположен к общению. После паузы, вызванной недолгим ожиданием, питьем и закусыванием разговор возобновился.

– Да, парень, я такое выражение лица и взгляд видел только у людей вдвое старше тебя и не понял, что к чему – извини.

– Так вы над этим так глубоко думали, пока мне пиво не принесли?

– До того, как ты его заказал – нет, а потом... Вообще, у тебя глаза изрядно побитого жизнью сорокалетнего человека на лице вдвое моложе, что не естественно, поэтому и заметно. Кстати – Семен

Последовало энергичное рукопожатие

– Сергей. Это сильно бросается в глаза?

– Да нет, хотя понимающие люди это замечают. Не исключено, что к таковым понимающим и ты сам относишься. С чего это ты взял, что я над чем-то задумался?

– Ну это ведь так? Вообще-то, когда человек опирает подбородок на кулак, прямо как известная статуя, это не заметить сложно.

Семен беззвучно расхохотался.

– Вон оно что! Пожалуй, задавать встречный вопрос о том, было ли это заметно, не стоит.
– Действительно, нет. А над чем думали-то, если не секрет?
– Да как тебе сказать... Не знаю, поймешь ли ты, но не исключено, что если я не решу эту проблему, то глаза мои со временем станут такими же, как у тебя. Хотя тут ты вряд ли поможешь...

– Попробую хотя бы понять. Если сумею.

Семен на минутку призадумался. Следовало, если и говорить правду, то не выдать при этом того, чем именно он занимался. После обдумывания он начал объяснять, стараясь выверять каждую фразу.

– Я работал над одной математической проблемой около двадцати пяти лет.

– Сурово!

– Да уж, куда суровее. Решить-то я ее сегодня решил, а проверить – не могу

– Это как же?

– Проверить ее можно только, отдав в чужие руки. Они живо присвоят все себе, а обо мне и думать забудут

– Да, присвоить все себе – это народец умеет. По себе знаю. А не отдавать нельзя?

– Теоретически-то можно, а вот с практической точки зрения...

– А надо-то чего с практической точки зрения – поди, какая-нибудь модель кобылы в безвоздушном пространстве?

Моркофьев расхохотался

– Да я такую модель и сам бы изобразил за денек-другой. Тут нужна очень даже неслабая штукovina, одна из самых лучших, в мировом TOP-500

– Суперкомпьютер, что-ли?

На сей раз Семен не только вытаращил глаза, но и слегка разинул рот до восстановления самоконтроля. Парень, однако, явно не промах!

– Откуда ты знаешь???

– А где еще TOP-500 есть? Туда ведь все создатели суперкомпьютеров ходят пиписьками мериться.

– Сообразителен ты, Серега, однако, и не по годам... Ну и сам подумай – оплатить время на суперкомпьютере даже за бугром я смогу, а потом окажусь в лучшем случае, соавтором.

– А самому собрать?

– Гм. Ты еще мне посоветуй ракету на даче в сарае склепать. На Луну слетаем! На Марс правда, не долетим, там заклепки нужны титановые, дорогие сильно, да и клепаются плохо...

– Я вполне серьезно.

Семен посмотрел на парня и понял, что тот не врет. Хотя, если он заблуждается, то от этого не легче... Ладно, сейчас выясню...

– Ну рассказывай, как же это. Вариантов купить скромный американский суперкомпьютер Скау в обход экспортных ограничений США и тащить его через границу, я понимаю, не будет?

– Купить надо будет с 1000 дешевых РС. Плюс коммуникационное оборудование.

– Что-то тут, Сергей, не то... Прямо как та присказка про муравьев и слона «Главное – завалить, а потом затопчем, затопчем»

– Ну, если вы мне не верите Семен... как Вас по бабушке?

– Васильевич

– Семен Васильевич, залезьте в интернет в этот самый TOP-500 и посмотрите, сколько именно там кластеров на линуксе. Это во-первых. А во-вторых, пожалуй муравьи – они помельче современных РС будут по сравнению с суперкомпьютерами. Современная пишиска – это практически суперкомпьютер начала восьмидесятых. Так что это не муравьи, а пожалуй, куры, если даже не индюки будут. Только собрать-то я его соберу...

– А дальше проблема в чем? – перебил Семен, настолько заинтересовавшись заявлением о возможности сборки суперкомпьютера, что забыл о вежливости.

– Вот запитать, пожалуй, не сумею. Электричества пропасть нужно.

– Сколько именно?

– Положим, простенький комп жрет 200 ватт – мощной видеокарты не будет, правда, процессор надо брать по возможности самый продвинутый. Возьмем с запасом по триста – тысяча штук даст триста киловатт. Плюс коммуникационное оборудование. А надо брать и с еще одним запасом на резерв по пиковым нагрузкам на источник, при которых напряжение падает, а ток, соответственно, растет – это как сварка в подьезде, при которой лампы тухнут и телевизоры не включаются. В общем, киловатт пятьсот надо. А это очень не слабо...

– Да, пожалуй ты прав...

– В Москве точно не найти. Тут строители с обалденными деньгами дома подключить не могут.

Семен вздохнул – тут и не поймешь, радоваться, или огорчаться. Малый был явно прав насчет того, что сможет собрать суперкомпьютер. Моркофьев напомнил себе, что надо бы самому проверить как следует этот самый TOP-500, но практически не сомневался в том, что сведения Сергея правильные. Насчет электричества – это тоже правда, однако уже печальная. Но положительный эффект от встречи, дарованной судьбой, в которую Моркофьев, правда, не верил, явно есть. Проблема с суперкомпьютером из разряда несбыточных, типа полета на Марс, перешла в разряд технических, и, следовательно, решаемых. Надо бы зафиксировать этот статус и не терять Сергея из виду. Семен сделал быстрый мысленный расчет возможных стимулов и сразу понял, что надо пообещать отвалить явно небогатому парню такую сумму, чтобы он носом землю рыл. Деньги-то у самого Семена были, и немалые.

– Слушай, Сергей, если я найду 500 киловатт, и дам тебе 50 тысяч долларов, соберешь мне суперкомпьютер в этом интересном списке? Только говорю сразу – ты и не надейся, что он там официально появится.

Ответ последовал далеко не сразу. Моркофьев всмотрелся в лицо парня, на котором отразилось неимоверное напряжение мыслей. То, что Сергей сразу не заорал «ДА!!» это очень хорошо. Стало быть, жадность в нем не заслоняет способности мыслить, перед тем, как отвечать – отлично, ответ явно будет разумным и обдуманым... Ишь как весь напрягся, задумался, однако... Небось думает о том, что такой шанс предоставляется раз в жизни. Хотя еще и хмурится – видать, что-то мешает. Ладно – сейчас узнаю, что именно, торопить не буду...

Мысли Сергея действительно неслись со скоростью курьерского поезда. Действительно, шанс вдвое увеличить свой капитал – соблазнительно чрезвычайно. Но и небезопасно. Во-первых – риск с профессиональной точки зрения – соберешь ли? Но и профессиональный вызов тоже велик – такое отнюдь не всем намного более крутым специалистам в жизни доводилось делать. Но! Если не соберешь – могут разобратся и «по понятиям». Страшно? Да не особенно.. И вообще! Разве ЭТО жизнь – болтаешься по ней, как безбилетный пассажир, нельзя упускать любого шанса выбиться в люди, в особенности такого. А коли прибудут – сам дурак, и заслужил... Риск неоплаты не берем – он и так понятен. А вот риск вылететь из института, да еще с бюджетного обучения – вполне реален и намного более чреват для будущего, чем та же неоплата... В Москве мужику сколько электричества не найти, это точно... Это явно другой город и нужен академотпуск. А сразу вслед за академотпуском прибежит тут как тут армия. Ладно, все засады понятны... Да какой там понятны – подумай еще. Несмотря на то, что эти мысли стремительно обдумались на разный лад минимум десятка три раз, Сергей также отдельно отточил свои формулировки, перед тем, как начать отвечать на столь непростой вопрос, который мог перевернуть все в его жизни.

– В общем, так. В то, что в Москве, среди вконец оборзевших строителей, прилюдно орущих о том, что, у кого нет миллиарда, может идти на х**, найдется полмегаватта мощности – не верю! Как говорил Станиславский. Стало быть, это другой город.

– Понятно... – машинально поддакнул Семен

– Да, чувствую, что не все понятно. Я ж Вам отнюдь не дочь миллионера и сейчас на бюджетном месте учусь. Если возьму академотпуск, то прибегут ловцы из армии – уж они сразу из под земли возникнут, встанут, как лист перед травой. Сам-то я очень хочу помочь – такое не каждый день случается но... Я бы и рад...

– Так, Серега. Доставай свой мобильник, позвони-ка на номер *****, чтоб я его у себя записал. Набрал? ага, звенит, молодец. Сначала я буду электричество искать, потом попытаюсь тебе и отпуск сделать и от армии отмазать. Хотя, сам понимаешь, обещать на сто процентов не могу... Но порох кое-какой в пороховницах еще есть – я с одним профессором математики в Бауманке учился в одном классе, если он не уволился, а с армией... Ну что от тебя скрывать я в органах всю жизнь работал, что-нибудь придумаю.

Находясь в изрядно обалдевшем состоянии от прозвучавших чрезвычайно многообещающих и неожиданных откровений соседа Сергей ответил «Договорились».

– И ты не думай, Серега, что я от этой идеи отступлюсь. Не для того более двадцати лет угробил. Буду тебе раз в неделю позванивать, не пропадай

– Хорошо

Моркофьев допил пиво, положил на стол стойку бара сумму, достаточную для оплаты всего выпитого и съеденного двоими и сказал Сергею «До свидания». Сам Сергей ушел намного позже отбытия Семена, снова и снова вспоминая прошедший разговор и боясь поверить в свою возможную удачу.

Глава 2

Для Николая Старостенко наступил первый день в его новой должности. Ночью он спал очень плохо, долго ворочаясь с боку на бок, пока сон не победил тревожные мысли. Николай совсем не выспался и, подходя к комнате, где он обычно сидел, спросонья чуть не наткнулся на возводимую рабочими гипсокартонную стену. «Да это же мой новый, положенный по должности кабинет!» подумал Старостенко. Быстро они распорядятся, однако... Порой Николаю казалось, что стены из гипсокартона прямо-таки бегают по банку. Иногда, не заходя к кому-то месяц, он вообще не мог найти дорогу. Как всегда, поиски были особенно трудными именно тогда, когда надо было срочно к кому-то попасть.

Приказ был еще вечером прошлого рабочего дня выложен на внутрикорпоративный веб-сайт и подчиненные начали день с поздравлений. Было заметно, что они также поставлены в тупик причинами внезапного назначения. Николай, не подавая виду, что понимает причины их растерянности, быстро назначил исполняющего обязанности, который будет вести дела – это решилось им во время ночной бессонницы и было немногим из ее полезных следствий. Но тут зазвонил телефон и, подняв трубку, Старостенко узнал по голосу начальника службы безопасности

– Николай, зайди ко мне.

Идти до кабинета начальника СБ было недалеко, Николай был там уже через пару минут. Начальник, как это всегда бывало при появлении кого бы то ни было в его кабинете, несуетливо перекладывал в ящик тумбочки под столом папку с бумагами, несмотря на то, что заглянуть в закрытую папку было никак нельзя. Несколько раз, задерживаясь у начальника в кабинете вечером, он видел, как папка перекочевывала из тумбочки в сейф, где стояли множество таких же, без названий, но с номерами; то же самое делалось и перед тем, как начальник СБ собирался выйти из своего кабинета. Старостенко никогда не видел, чтобы шеф прибирал от посетителей несколько папок одновременно. Если папка перекочевывала в сейф в конце дня, ключ от сейфа упаковывался в закручивающийся пенал, который опечатывался на крышке личной печатью начальника, и сдавался на охрану. Утром печать самым внимательным образом проверялась на целостность при получении пенала и кое-кто из охраны, чисто случайно слегка смазав ее, успел схлопотать очень строгий выговор. Это делалось всегда, и все папки шефа с вечера до утра были надежно заперты, несмотря на то, что отнюдь не все документы в папках были секретными или для служебного пользования. С содержимым многих папок Николай был более или менее знаком и, на его взгляд, они не содержали каких либо секретных или конфиденциальных данных. Однако, даже если содержащиеся в папках сведения и были уже разосланы сотрудникам по электронной почте, начальник при необходимости всегда доставал документы из папки, оставляя закладку на месте их извлечения, а после возвращения аккуратно подкалывал все на место. Старые привычки обращения с документами, привитые начальнику еще в КГБ, не вытравливались ничем. Создавалось впечатление, что босса и похоронят вместе с сейфом, в который тот, уже улегшись в гроб, последним предсмертным движением положит свежeweыписанное свидетельство о смерти и обязательно на прощание запрет сейф ключиком, чтобы на том свете ничего из него без спросу не изъяли.

Конечно, в папках были и конфиденциальные материалы. Была и папка номер 73, в которой Старостенко разбирался даже получше начальника – практически полностью собранная самим Николаем подборка данных о мошенничествах с кредитными картами. Так ее называл шеф, однако Николай знал, что отнюдь не по всякой банковской пластиковой карте можно получить кредит; по России кредитных карт даже меньше, чем некредитных, или дебетовых на банковском языке. Но начальник все равно называл их кредитными. Наблюдая за тем, как рука босса медленным движением закрывает ящик тумбочки, Старостенко решил задать

мучивший его задать вопрос, на который у него вчера не то, чтобы не хватило духу, а просто не было времени для того, чтобы прийти в себя после выбившей из колеи новости

– Петр Валерьевич, почему все-таки назначили меня?

Начальник, видимо, ждал такого вопроса

– Спроси лучше у председателя, Николай.

Старостенко недолго поколебался, перед тем, как задать следующий вопрос

– Да разве он меня знает? Я же его вблизи только вчера видел...

– Без комментариев – твердо ответил начальник. Спроси у него, если захочет – ответит. Правда, я сомневаюсь, чтобы он сказал тебе когда-то, разве что года через два, и то, если понравишься

Разговор явно не клеился и Николай решил задать вопрос напрямую

– Зачем вызывали, Петр Валерьевич?

– Да вот, надо бы тебе обязанности придумать, раз руководство назначило... Кроме еженедельных докладов председателю, будешь курировать то, чем занимался раньше, да и вообще, все дела по безопасности по кредитным картам – не только обслуживание, но и выпуск с транспортировкой-выдачей. Исполняющего обязанности за себя назначил?

– Да, Алтынова.

– Справится?

– Должен. В крайнем случае, если не потянет или власть в голову ударит, заменим. Но это, по моему мнению, вряд ли случится.

– Хорошо. Я еще на тебя писание некоторых бумаг скину, ты, хотя и по образованию инженер, но пишешь хорошо.

– Так все нормальные инженеры пишут не сколько хорошо, сколько с логикой дружат, а без нее в служебных бумагах никак.

– Ты-то нормальный, а почти все молодые жертвы нашей убудочной полуболонской системы образования, в том числе и так называемые гуманитарии, двух слов связать не могут. Прямо, как те собаки-болонки – все понимают, только не говорят. Кроме того... знаю, что ответ твой будет типа «не больно-то и хотелось», но, на всякий случай, предупреждаю. Связи все с правоохранительными и прочими госорганами замыкаются на меня и, в мое отсутствие, на Евгения Юрьевича.

– Ясно. Действительно, «не больно-то и хотелось».

– И еще. Я на «добраго следователя» чисто по виду не тяну, коллеги мои многие – тоже. Если что, им поработаешь.

– Дело для меня новое, но попробую справиться.

– Справишься, дело нехитрое. Тем более, что это не было нужно никогда. И вообще, если я иду куда-то, то там народ напрягается излишне. А ты – все-таки, не из органов, будешь проходить мимо, и заметишь чего, да и посоветуешь по-дружески. Нас-то многие, даже вполне честные люди, или не любят, или боятся...

Наступила пауза. Николай знал, что начальник был прав. Сам-то Старостенко в бытность свою студентом побывал на практиках на нескольких режимных предприятиях и, в процессе их прохождения, узнал кое-что такое, что даже в молодости сильно помогло осознать необходимость хорошо работающей службы безопасности. Дальнейшие дела по разоблачению мошенников отнюдь не поколебали, а лишь укрепили это мнение. Однако, Николай понимал и другую сторону. Аналогии, конечно, не всегда точно показывают дело, но... Многим, например, может не нравиться хорошая сторожевая собака с зубами сантиметра по полтора длиной. И ведь не обязательно только жуликам, которые собираются стащить то, что она охраняет – жулье-то собаку не любит по вполне понятным причинам. Просто при взгляде на блестящие во время мирного позевывания на солнышке полторасантиметровые зубки не всякий сохранит олимпийское спокойствие, особо если дорога на работу проходит мимо «собачки» и обойти

ее никак. А если та еще учует выделяющийся при нервном напряжении запах адреналина и нет-нет, да и начнет от этого рычать, несмотря на все воспитание... Взаимной симпатии точно не получится. Отвлекаясь от этих размышлений, Николай задал начальнику еще один беспокоящий его вопрос.

– Петр Валерьевич, а как доклад председателю правления происходит? Готовиться ведь надо, материалы какие с собой брать?

– Молодец, правильно спрашиваешь. Готовиться у меня будешь, за два часа до доклада. Материалы по текущему докладу всегда хранятся вот в этой папке.

Начальник открыл сейф и, видимо, вспомнил о том, что вне сейфа будет находиться одновременно две папки. Он переложил в сейф папку, лежавшую в тумбочке, и достал с нижней полки сейфа папку номер 1. Николай выдохнул. Он, как и многие другие, неоднократно думал о том, что же именно может храниться в папке с первым номером. Молва утверждала, что там находится сверхсекретный список тайных осведомителей службы безопасности в подразделениях банка. Истина, как это часто бывает, оказалась намного более прозаической и совсем не интригующей по сравнению с далеко идущими предположениями, распространяемыми в слухах.

– Вот, просмотри бегло, чтобы не боялся, что не успеешь за два часа подготовиться.

Николай открыл папку. В ней было всего пять пластиковых файлов, в каждом из которых содержался документ из одного листа. Каждый из документов содержал три раздела: краткий отчет о происшествии, список предпринятых службой безопасности мер и список действий по недопущению подобных происшествий в будущем. Происшествия, произошедшие за предыдущую неделю, на взгляд Николая, были довольно незначительными. Старостенко прикинул, что доклад с такими жестко структурированными материалами на руках будет очень легко подготовить. Он сказал об этом начальнику.

– Ну вот, а ты этого побаивался, я же видел. Отлично. Ну ладно, иди, проконтролируй, как там без тебя народ справляется.

– Да, еще один, последний вопрос – спохватился Старостенко. По каким критериям вопросы для доклада председателю отбираются?

– Критериев два, и оба идут с незапамятных, по меркам времени существования банка, времен. Первый критерий – докладывать обо всем, что привело, или с большой вероятностью может привести к контактам с органами власти – милицией, прокуратурой или еще там чем-то.

– А второй какой?

– А по поводу второго у меня с председателем беседа была... И мое мнение во внимание не приняли.

– Почему?

– Критерий звучит так: Докладывать обо всем, что принесло убытка более, чем на тысячу долларов. Естественно, в нашей сфере деятельности, там работнички с ценными бумагами, что ни день, то миллион потеряют, то два принесут.

– Хм. Так тысяча – это в 1990-м были деньги, а сейчас, по банковским-то меркам...

– Так я председателю об этом и сказал. Его мнение было дословно следующим «Вам волю дай, вы по тысяче весь банк растащите». Так критерий и остался неизменным.

– Ясно, буду знать. До свидания, Петр Валерьевич.

Выйдя из кабинета, Николай перевел дух. Он был морально готов к намного более худшему и радовался тем, что все прошло неплохо. «Ну, вроде дела пошли помаленьку» подумал он, не подозревая того, что дела также были готовы сдвинуться с мертвой точки и у многих других людей и с предстоящим переплетением этих дел ему уж точно не придется скучать.

Игнат Владимиров вернулся с Митинского радиорынка изрядно озадаченным. Перед этим он побывал еще и в «Детском мире», до этого он встал в пять часов утра для того, чтобы

сделать еще кое-что и сильно устал. Нужное-то он закупил, но не все, что ему бы хотелось. Конечно, магнитная головка стоила дешево, но она была одной из немногих деталей, попадающих в дешевые. Остальное... ну что-же, миниатюрная техника часто не сильно доступна по цене, особо камера, которую можно спрятать в двух-трех кубических сантиметрах объема. На нее деньги копить придется, а пока что нужно решать другие проблемы, благо, заняться есть чем. В цвет он вроде бы попал – рядом с ним лежала пластмассовая модель корабля, которая будет безжалостно расплавлена. Переплавить самолет у заядлого авиамоделиста не поднялась бы рука. Он долго выбирал эту сборную модель и продавец уже начал негромко ругаться под нос, так, чтобы клиент это слышал, но можно было отнекаться в случае чего. Игнат вспомнил это и ухмыльнулся – не мог же он так раскрыться перед продавцом, сказав тому, что единственным критерием выбора был цвет полистирола? Подумал Игнат и об обеспечении механической совместимости деталей, которые он собирался изготавливать. На столе рядом с моделью лежала коробка пластилина. Он скатал пластилин в большой ком, не заботясь о цвете, затем слепил аккуратный брусок и положил его в приготовленную коробку из-под обуви. Сегодня ночью ему придется проснуться и прогуляться. Игнат поставил будильник на час ночи и улегся, для того, чтобы выспаться «про запас». Заснуть ему удалось довольно легко, так как он сильно вымотался после трехчасового хождения по рынку.

Тем временем дела у Семена Моркофьева шли далеко не так хорошо, как ему хотелось бы. С утра он выполнил данное самому себе поручение залез по модему в Интернет и проверил список TOP-500. Насчитав, тыкая мышкой в список наугад, десяток кластеров на Linux, он успокоился насчет истинности утверждений Сергея. Но это была самая легкая часть из тех дел, которые были намечены. Перед Моркофьевым в полный рост стояла проблема – где найти полмегаватта? Самым обидным было подсказывание интуиции Семену о том, что он знает, и даже видел, где их искать. Он чертыхнулся вслух на себя. Странная же у тебя, Семен, интуиция, так бы ее и эдак. Прямо как с DES-ом – подсказала, что сломать можно, а как его ломать, так ковыряйся лет двадцать пять. Но, в то же время она тебе и не врала, отдай ей должное... Однако, столько лет для того, чтобы искать электричество, у тебя, Семен, нет... Моркофьев все мерил и мерил шагами комнату, ходя по ней взад-вперед и бесконечно думая об электричестве. Немногие заводы, на которых он знал людей? так знать будет и весь завод через пару дней. Организовать свое псевдопроизводство? Так тут и с налоговой и прочими регистрирующими инстанциями замаешься и в очереди на подключение лет десять простоишь. Парень-то был прав, даже строители часто ничего по Москве из-за электричества не строят, куда мне там с каким-то новоиспеченным ООО... К тому же, если платить по тарифам для предприятий, то прорва денег понадобится. Вернуться к коллегам на Лубянку? – орден-то дадут, могут и даже два, если не три за ТАКОЕ достижение, но ведь засекретят же все... Семен заматерился вслух и все продолжал и продолжал свое хождение по комнате, обдумывая поиски электричества на разные лады, ругаясь, чертыхаясь и говоря сам с собой, пока от усталости его не сморила сонливость. Улегшись на кровать, Моркофьев вспомнил Сергея и с невольной завистью пожилого человека подумал о том, что хорошо быть молодым. Если бы кто-то сказал Семену, что завтра направление поисков электричества будет точно определено, то его сонливость моментально прошла бы. Однако, будущее не дано предугадать никому и он закрыл глаза, думая о том, что если бы ему было двадцать, он бы поразмыслил еще пару часов и додумался бы до истины. При этом Семен чувствовал себя старой развалиной, что, справедливости ради, было отнюдь не верно. При желании он мог бы раскидать в разные стороны минимум троих нетренированных двадцатилетних пацанов. Засыпая, он еще раз вспомнил Сергея и подумал – как он там?

Глаза у Сергея Артемьева хоть и были молодыми, но уже сильно побаливали от продолжительного сидения за компьютером. Он читал и читал все подряд про кластеры и суперкомпьютеры. Чтение было нелегким – документов на русском языке по этой теме не было, а Сергей знал английский, мягко говоря, посредственно. В чтении ему помогал установленный на компьютере словарь, который, однако, не значил почти ничего по сравнению с упорством и настойчивостью Сергея. Другой бы с такими знаниями десять раз отступился бы, но стойкость, отточенная жизненными невзгодами, помогала не только читать, но и понимать прочитанное, сравнивать различные документы, а также делать из них нужные выводы. Материалы, которые в будущем могли пригодиться, он сохранял себе на компьютер в отдельный каталог, планируя в конце дня записать диск, чтобы результаты поисков не пропали. Многие становилось более понятным и от этого Сергей изрядно нервничал. Одних сетевых кабелей, чтобы соорудить такую махину, потребуется не один километр! Берем тысячу компов, множим в среднем по три метра на кабель, и вот тебе три километра – из широких штанин не вынешь, однако. А если средняя длина кабеля получится больше, то и все пять километров будет надо. И он еще вчера не догадался сказать об этом Семену. Ох и не обрадуется же тот, когда узнает... Даже если и купить здоровенную бухту кабеля, еще к ней нужна разъемов чертова куча. Сергей оставил выяснение вопроса с ценами на кабель на завтра – сегодня и других поводов для расстройства хватало. Хорошо еще, что он помнил результат одной неудачной коммутации нуль-модемным кабелем двух компьютеров, подключенных к разным фазам – пошел дымок. А рисковать Сергей не мог – если 500КВа и найдутся, то точно не одной фазой, а промышленным трехфазным кабелем. Еще из школьного учебника физики он знал, что нагрузку надо распределять между фазами по возможности поровну. Стало быть, надо четко вести разброс компьютеров и коммуникационного оборудования по фазам. Ну хорошо, кучу компов и switch он подцепит группами на разные фазы поровну... Но ведь все равно в конечном итоге надо будет как-то соединить эти группы на разных фазах – как??? Простым медным кабелем – нельзя, дым от соединения фаз может пойти точно так же. А коммутаторы с оптическими портами стоят черт знает сколько. Но без них, судя по всему, не обойтись... Надо бы узнать, сколько там у мужика денег, а то у него от цен волосы дыбом встанут во всех местах. Хотя волос-то у него уже и не очень, но заметно все-же будет довольно сильно. Кстати, еще о мужике... Он, судя по всему, хочет сохранить тайну. Тогда программу для запуска на компьютере придется ему писать самому, а программировать он, ясное дело, не умеет. Придется Семену Васильевичу подучиться, ох придется... Кроме того, надо у него узнать, что суперкомпьютер будет считать – быстрый перебор результатов сравнительно простых целночисленных вычислений в надежде угадать ответ «методом сверхскоростного научного тыка» или зубодробительную математику по сложным формулам с плавающей точкой. От этого выбор программного обеспечения для суперкомпьютера сильно зависит... Надо будет сразу пояснить для чего ему это надо, перед тем, как спросить, а то мужик достаточно осторожный и подозрительный. Ну да и ладно, какую там отец упоминал цитату из Иосифа Виссарионовича? Что-то вроде «Здоровое недоверие – хорошая основа для совместной работы». Вспомнив отца, Сергей погрустнел, в который раз потер уставшие глаза, заслезившиеся на этот раз не только от компьютера, и подумал о том, что надо беречь здоровье и особенно зрение – ведь если он начнет слепнуть, собрать точно ничего не удастся. Для вящего сбережения своего драгоценного здоровья Сергей быстренько поставил на запись компакт диск, установив в программе галку «Выключить компьютер после записи» и после этого немедленно завалился не раздеваясь на полуразваливающийся бабкин диван, изготовленный еще в сталинские годы. Когда компьютер дописал диск, Сергей уже спал крепким юношеским сном.

К этому времени сон Василия Соловьева из Благовещенска уже длился шесть часов. Однако, в отличие от Сергея, его сон был некрепким и беспокойным. Это было вызвано тем,

что Василию не удалось найти в Интернете то, что он искал. Конечно, он и не рассчитывал найти все нужные данные в первый же день, но малость того, что ему удалось обнаружить, невольно разочаровывала. В сущности, Василий сумел найти только название фирмы, которое он произнес во сне «Аманда»⁶. Его мать, уехавшая в родную деревню после достижения пенсионного возраста, услышав его ночное бормотание, была бы презрительно озадачена таким совсем не русским именем его подруги, но Василий жил один.

Вечер после работы начался с того, что Соловьев залез в Интернет и через публичный проху-сервер где-то в Аргентине подключился к серверу-анонимайзеру, на словах гарантирующему некую анонимность идущих через него запросов. Таким образом он замел, насколько он смог, следы своего подключения, зашел на всем известный Google и начал искать данные по идентификаторам подлинности на рублях. В результате пятичасового упорного поиска Василий не нашел ничего, кроме того, что было известно любому кассиру про ультрафиолет и прочую широко известную информацию. Все остальное, даже на его совершенно непрофессиональный взгляд, было догадками, перемешанными с откровенной ерундой. По здравому размышлению он понимал, что такое в Интернет никто и не выложит, но «пока живешь-надеешься», а желание узнать все разом было достаточно сильным. Однако, невозможность получения нужных сведений напрямую стала совершенно явной и тогда он зашел с другой стороны, начав искать информацию по банкоматам. На сайт производителя он и не совался, а просматривал страницы, находящиеся в иных местах, в особенности на форумах. Еще через несколько часов ему улыбнулась удача – он набрел на какой-то полузабытый форум банковских сотрудников, обслуживающих банкоматы и, внимательно читая его, узнал то, что он и не подозревал вначале. Оказалось, что всемирно известная фирма, делающие банкоматы, изготавливает приемники банкнот не сама а заказывает их в Японии. Узнал он и название фирмы, которая, даром, что японская, называлась женским именем «Аманда».

Обрадовавшись такому повороту дел, он живо набрал в Google слово Amanda и... он, конечно, мог и предвидеть результат, если бы не был таким усталым. Сколько там нашлось самых разных Аманд всех цветов кожи с грудью на любой вкус от нулевого до налитого ведрами силикона чуть ли не двадцать восьмого размера – одному гуглу ведомо... Василий чертыхнулся, взглянув на результаты, и в сердцах произнес слово Аманда с характерной паузой после первой буквы и ударением на последнем слоге. Усмехнувшись своей лингвистической находке, он понял, что лобовая атака и тут явно не удалась и надо уточнить критерии поиска. Василий было решил заняться этим, но вдруг почувствовал, что накопившаяся усталость разъярила его, как кислота. Соловьев подумал, что надо бы поспать – утро вечера мудренее, несмотря на то, что итог дня – всего лишь название фирмы, явно «не густо». Не забыв стереть историю посещений и поиска в Интернет-браузере, для нервной разрядки перед сном он еще множество раз произнес имя фирмы с упомянутой паузой между первой и остальными буквами, добавляя к произносимому так названию много чего в том же духе. Затем, в который раз с трудом удержав себя от удара кулаком по злосчастному телевизору, Василий лег спать, будучи сильно недовольным результатами вечерне-ночных поисков.

⁶ Название фирмы выдумано автором

Глава 3

Пиликанье будильника на сотовом телефоне разбудило Игната Владимировича в час ночи. Быстро нажав кнопку на телефоне, чтобы не разбудить спящих родителей, он оделся при свете ночника, схватил коробку с пластилином и тихонько прошел в прихожую, чтобы надеть куртку. После куртки он обмотался длинным шарфом и натянул на голову лыжную шапку, так, что незакрытой осталась только узкая полоска на уровне глаз. Облачившись таким образом, он тихонько выскользнул из квартиры, аккуратно прикрыв дверь, чтобы не на шуметь.

Путь Игната лежал к уличному банкомату, стоявшему на отшибе. Конечно, банкомат был снабжен камерой, которая записывала всех снимающих деньги с карт, однако Игнат и не собирался использовать банкомат по прямому назначению. Вчера в пять утра он прошелся по нужной улице с рогаткой и побил фонари около банкомата. Конечно, над банкоматом есть и свой источник освещения, но Игнату была очень важна возможность быстро скрыться в темноте, если кто-нибудь заподозрит неладное, глядя на него. Идя по темной улице он то и дело осматривался. Уже привыкшие к темноте глаза не видели на улице ни души – к счастью для Игната, ударил мороз и желающих пошастать ночью на улице резко поубавилось. Вспомнив о морозе, он подумал о том, что пластилин, чего доброго, совсем замерзнет и ускорил шаг.

Подходя к банкомату, Игнат осмотрелся в последний раз – все было чисто. Он поправил шарф и шапку, оставив совсем узкую щелку для глаз, достал пластилин и приложил его к заранее намеченному месту на лицевой панели банкомата. Пластилин подмерз как раз в меру – отдернув его, он заметил, что оттиск окрестностей места для ввода карты получился очень хорошим, а на самом банкомате пластилина не осталось. Если бы он налип, то кто-то мог бы обратить на это внимание, но все прошло, как надо. Камера на банкомате была укреплена в верхней части, над монитором и действия рук Игната остались незамеченными, однако лицо, обмотанное шарфом, записалось. Ну да и ладно, это был вполне разумный риск. Если кто и обратит внимание на подозрительную внешность мелькнувшего у банкомата, то в такой одежде и родную мать будет узнать крайне затруднительно, не говоря уже о том, зачем, собственно, узнавать? Ведь денег он не снимал, и заявлений о том, что банкомат ему пару-тройку купюр не выдал, писать не собирался. Скорее всего, они и не обратят на меня внимание – подумал Игнат, идя домой по темным улицам с оттиском в коробке. Он оказался прав.

Тем временем Киоши Онода отдыхал после долгой работы. В начале дня он обновил англоязычный интернет-дневник, или, как его обычно сокращенно называли, блог на сайте livejournal.com. В России для обозначения такого дневника часто применяется сокращение ЖЖ (живой журнал). Онода вел дневник не на только японском, но и на английском языке и это было очень неспроста. После у него была очень длительная работа по обработке двух снимков. В результате фотографии стали кое-чем намного большим, чем были до обработки. Один снимок Киоши поместил в свой журнал, второй – разместил на общедоступном портале для размещения фотоснимков, на котором он также создал свою доступную всем желающим галерею. Теперь ему оставалось только ждать и надеяться. Все, что надо было для привлечения интереса тех, еще неизвестных ему, но достаточно сообразительных для того, чтобы он захотел передать им сведения, Онода сделал. В [livejournal](http://livejournal.com), кроме фотографии, была упомянута фирма, на которой он работал до пенсии.

А что если никто не догадается о том, что Киоши Онода хочет сообщить тем, кто будет достаточно внимателен и наблюдателен? – подумал он. Ведь получится так, что все сделанное им – зря и остаток жизни будет проведен в бесполезном ожидании? Ты сделал все, что мог – ответил он сам себе. Если человечество будет настолько глупо, чтобы не понять поданного им сигнала – ну и ладно, значит, такова твоя карма, Киоши. Не можешь же ты выставить

все в Интернете открытым текстом. Значит, быть тебе неудачником и здесь до самого конца жизни... Онода не знал, да и не мог знать того, что менее, чем через двое суток он поймет то, что все было сделано им совершенно правильно.

Семен Моркофьев проснулся, вспомнил о своих вчерашних раздумьях и настроение у него сразу же испортилось. Сделав зарядку, он попытался обдумать проблему нахождения полумегаватта электричества с новых точек зрения, но таковых не находилось. К тому же, несмотря на зарядку, Семен все равно оставался сонным и поэтому думалось очень плохо. Может, опять необходима перемена обстановки? подумал он. Вот сходил, пива выпил – и суперкомпьютер нашел... Семен усмехнулся собственным мыслям – получается, ежели еще разок сходить куда-то хлопнуть не пива, а, допустим, водочки стакан-другой, то и электричество найдешь? не выйдет, пожалуй. Однако, навеянная интуицией мысль о том, что надо будет куда-то съездить, не проходила. А куда ехать-то ранней весной? На дачу – мерзко и холодно. В лес по грибы-ягоды – рано. На охоту? – да он и не охотился никогда... Рыбалка? – так это тот же самый способ напитаться, но только на свежем воздухе и с удочкой в руке. По крайней мере, сначала, пока эту самую удочку спяну не выронишь, или не закинешь в кусты. Он попытался было придумать еще несколько весенних занятий, однако мысль о рыбалке все крутилась и крутилась в мозгу и Семен почувствовал, что он где-то рядом с решением проблемы – «Горячо!». Но как же, черт возьми, связана рыбалка с электричеством? Это ты, получается, типа, современный Семен-Емеля, вылавливающий из проруби волшебную щуку и командующий ей: «По щучьему велению, по моему хотению, тянись ко мне кабель электрический, да шибко мощный!». Ладно, а если без шуток, когда и с кем ты последний раз был на рыбалке? Ох, давно дело было... в 1993-ем пожалуй, в новом тогда загородном доме Профессора. Домину тот себе отстроил на месте старой деревни, все жители которой уже по городам разбежались, но именно в нее он ездил к бабушке с дедушкой на школьные каникулы. Километров триста от Москвы, пожалуй. Места там раздольные... река... с одной стороны дома лес совсем недалеко, метрах в пятидесяти, а с другой чистое поле и километра через полтора-два... ЭЛЕКТРОСТАНЦИЯ!!! Семен подпрыгнул чуть ли не до потолка и издал громогласный радостно-матерный вопль во всю глотку, который наверняка переполошил всех соседей, даже с учетом того, что они уже привыкли к странностям соседа-математика. Но ему было наплевать. Моркофьев начал рыться в старых записных книжках, похолодев при мысли о том, что телефон может и не найтись. К счастью, нужный блокнот обнаружился довольно быстро. Семен скрестил пальцы, подумав о том, что Профессор с его-то доходами мог десять раз съехать в другое место и набрал номер.

Трубку, к счастью, подняла жившая в старой квартире мать Профессора. Семен несколько раз вежливо, но твердо заставил ее повторить записанные ею номера своего домашнего и мобильного телефонов и два раза взял с нее обещание, что она обязательно передаст сыну то, что он звонил. После этого он положил трубку, но душа у него все-таки была не на месте. Не хватало еще организовывать слежку за старухой, если она не захочет сообщить сыночку, что звонил какой-то там Семен Моркофьев. А ведь, черт возьми, придется, если старушенция заупрямится... иного способа найти Профессора он не видел. Если начать спрашивать в предпринимательско-уголовной среде, то можно под горячую руку и «перо» в брюхо схлопотать, если нарвешься на его конкурентов, которые, чего доброго, узнают, что ты с ним в одном классе учился. Ведь, даже по дошедшим до него слухам, Профессор скольким успел насолить за дикие 90-е – не пересчитать... Но, ведь жив до сих пор – ловок же, чертяка! И в математике был даже посообразительней меня, не зря ведь Профессором еще в школе называли, но выбрал несколько иной жизненный путь. Ладно, сейчас остается только ждать да надеяться. А через два дня, хочешь-не хочешь, а придется все про слежку из разведшколы вспоминать. Иначе – плохо дело, второй такой точки с электростанцией в паре кило-

метров и готовым строением ты, Семен, точно не найдешь. Ладно, сейчас только время убивать до звонка нужно... Моркофьев подошел к книжной полке и попытался было снять с нее «Графа Монте-Кристо», но обнаружил, что тома от времени присохли один к другому. Он попытался припомнить, когда же именно он последний раз читал художественную литературу и понял, что это было даже задолго до последней рыбалки. Почти все свободное время у Семена уходило на взлом алгоритма. Но сейчас можно и почитать... Разделив ссохшиеся книги, он присел в кресло и заново погрузился в прочитанные еще в школе приключения Эдмона Дантеса. Читая, Семен невольно подумал о том, что его жизнь чем-то напоминает главного героя книги – вот только Дантеса забросили в тюрьму «доброжелатели» и на пятнадцать лет, а он сам, добровольно почти что отключил себя от жизни на более двадцати. После того, как он в третий раз задремал в кресле, Моркофьев перебрался на постель и недовольно глянул на телефон. Тот все еще не звонил.

Старостенко шел к кабинету председателя правления банка на свой первый доклад. Он страшно нервничал. Все, что зависело от него, Николай сделал. Ровно за два часа до доклада он появился в кабинете начальника службы безопасности и много-много раз очень внимательно перечитал немногие документы в папке, так, что почти выучил их наизусть. Временами Николай отвлекался и видел в глазах у шефа смешинку. Но отвлекаться на такие мелочи он не хотел, так как дело было достаточно серьезным.

За десять минут до назначенного срока начальник вынул из тумбочки не столько красивую, сколько очень внушительную пустую темно-красную папку с золотым тиснением «Для доклада Председателю». Затем он пожелал Николаю «Ни пуха, ни пера». Все документы из папки номер один были переподколоты в ту солидную папку, с которой он сейчас подходил к кабинету председателя правления. Неимоверным усилием воли Николай взял себя в руки, подумав «Будь что будет!». В конце концов, гладиаторы, выходявшие в Колизей, рисковали гораздо больше чем он. И перед этим даже спокойно и гордо говорили «Идущие на смерть приветствуют тебя, Цезарь!». Как ни странно, эта более, чем двухтысячелетняя и явно не жизнеутверждающая фраза необъяснимым образом успокоила нервы Николая. Конечно, его нельзя было назвать совершенно спокойным, но по сравнению с нервным состоянием при выходе из кабинета шефа, Старостенко почувствовал себя прямо-таки Чингачгуком, невозмутимо беседующим с бледнолицыми. Эта мысль даже вызвала на его лице улыбку, которую секретарша председателя правления очень кстати приняла на свой счет. Она скользнула в кабинет и практически мгновенно по меркам высшего руководства появилась обратно: «Заходите».

Николай вошел в кабинет. Председатель сказал, обращаясь к секретарше:

- Ирина, в ближайший час никого не принимать и ни с кем не соединять.
- Хорошо, Владимир Сергеевич.

Председатель проводил взглядом секретаршу и повернулся к Николаю. Тот быстро поприветствовал предправления:

- Здравствуйте, Владимир Сергеевич
- Ну здравствуй, Николай. Садись, рассказывай, чего у нас за прошлую неделю было.

Старостенко уселся в кресло, собрался с мыслями и начал говорить спокойно и размеренно, стараясь занять побольше времени.

– Всего было пять происшествий. Небольшая недостача в кассе в Архангельске – кассир ошибочно принял фальшивую купюру. В Иркутске расколотили плафон над банкоматом, к сожалению, пока никого не поймали. Копию видеозаписи передали в местную милицию. А вот в Красноярске при повреждении банкомата охранники оказались расторопными, правда, ущерб больше – мужик монитор расколотил. В Ставрополе клиент начал бушевать, ухитрился разбить сантиметровой толщины стекло, пока не скрутили и не передали милиции. Отвертеться ему не удастся – еще и копию записи камеры наблюдения дали. Милиция благодарна –

со свидетелями и записью «висяка» у них явно не будет. И последнее происшествие – в Ростове доморощенный телефонный террорист якобы заложил в отделение бомбу.

– Бомбы, естественно, не нашли? – улыбнулся председатель.

– Да, но зато нашли звонившего. К сожалению, привлечь его не удастся, он недавно из сумасшедшего дома вышел.

– Да... пожалуй, ущерб от простоя отделения на него повесить явно не выйдет.

– Как паллиатив – упекают лечиться обратно. Еще год-другой полечится, глядишь, и поумнеет. Хотя, по-моему, надежды мало.

– Почему?

– Звонившему больше шестидесяти лет уже. Если к этому возрасту не вылечили, то, по-моему, уже не вылечат вообще.

– Тут ты прав... По Москве ничего серьезного не было?

– К счастью, ничего.

Беседа продолжалась в таком же духе около десяти минут. По случаю с Архангельском предатель не расспрашивал ничего. Происшествие было достаточно частым и попало в отчет только потому, что кассир начал было очень сильно настаивать на своей непогрешимости и грозился жаловаться чуть ли не в Лигу Наций. Однако, необходимость писать по этому поводу официальную объяснительную записку и поставленная альтернатива – 1000 рублей или выговор в трудовой книжке живо поставили того на место. Но полной уверенности в то, что жалоб сотрудника не последует, у СБ не было, поэтому вопрос и попал в красную папку. А вот по случаю с Иркутском пришлось отдуваться. Плафоны над банкоматами были с символикой банка, делались под заказ и стоили не дешево, не говоря уже о том, с каким трудом их закупку протаскивали через тендерный комитет, выдавая на гора подлинные шедевры казуистики, когда отбивались от вопросов о том, может ли банкомат работать без плафона... Хорошо еще, что сегодня Николай посоветовал шефу при просмотре документов для доклада на всякий случай дать рекомендацию по возможности переместить банкомат. С точки зрения самого Николая, банкомат стоял в достаточно неплохом и бойком месте, недалеко от центральной площади города. Он помнил его, как и многие другие банкоматы, еще с тех времен, когда сам работал с этими устройствами и помогал местному IT настраивать его, сидя на телефоне. А по ходу двухчасовой беседы многое узнаешь волей-неволей, в том числе и про то, где банкомат установлен. Но, хотя место для банкомата и было хорошим, в действие вступал бюрократический инстинкт самосохранения. При наличии правильно написанной служебной записки переложить вину на службу безопасности будет намного тяжелее. Даже если тамошние маркетинговые деятели и откажутся искать банкомату новое место, при следующем повреждении их шансы оказаться крайними будут намного выше.

Однако, всему на свете приходит конец, закончился и эта неприятная часть разговора.. Николай взглянул на часы и заметил, что прошло почти пятнадцать минут с момента его появления в кабинете. Повисло неловкое молчание – Старостенко думал, как бы ему поаккуратнее попроситься с председателем и вообще, ему ужасно хотелось поскорей смотаться. Однако, он услышал вопрос председателя:

– Ну, заместитель начальника службы безопасности, расскажи о себе

К этому вопросу председателя Николай готовился, хотя... Это же, черт возьми, не столько вопрос, сколько предложение, от которого нельзя отказаться! Нельзя было сказать, что пожелание председателя было неожиданным для него, однако небрежный с виду тон спрашивающего добавил изрядный элемент неожиданности. Собравшись с мыслями, Старостенко напомнил себе о том, что сухой и сжатый тон изложения, которого он придерживался, мысленно проговаривая ответ на вопрос, тут совсем не годится – надо попытаться ответить в тон председателю. «Эк занесла тебя нелегкая в высшие сферы» чертыхнулся Николай про себя перед началом ответа.

– Родился в 196* году. После школы поступил на факультет электроники и счетно решающей техники лестеха. Отслужил – с 1987 по 1989 призывали даже с военной кафедры. После института работал в нескольких банках. В основном в областях, связанных с пластиковыми картами – банкоматы, платежные терминалы, прочее оборудование. Поработал и вместе с Ростецким в некоторых проектах. Здесь занялся претензионной работой с картами. Потом перевели в службу безопасности.

– Поня-я-я-тно. Коротко и ясно. Скажи-ка мне, мил человек, как же старый и довольно опытный «картежник» вдруг взял, да и оказался в безопасности?

Вопрос был неожиданным. Существовал хороший и однословный ответ на него, который Николай считал правдой, во всяком случае, по отношению к себе. Он начал было придумывать что-то более сложное, но заметил на себе пристальный взгляд председателя и быстро ответил именно так, как думал вначале:

– Случайно.

Председатель расхохотался после секундной паузы.

– Да, уважаемый, Вас хоть в председатели центробанка бери.

Старостенко непонимающе уставился на председателя и тот, поняв его безмолвный вопрос, пояснил:

– Именно так Герашенко ответил где-то в начале 90-х Хасбулатову, когда тот ехидно так спросил с улыбочкой: «Скажите, как это Вы оказались в правительстве?». Не помнишь?

– Я тогда диплом писал, и в то время мне они были очень побоку. А в то, что, он мог сказануть такое – охотно верю. Мне его ответ американским журналистам в 98-ом тоже понравился.

– А чего он тогда выдал? Кризис был, тогда-то мне совсем не до них было.

– Да он приехал как раз в кризис в штаты практически незванным гостем – кредиты срочно были нужны. А тамошняя пишущая братия решила было над ним поиздеваться и вопросец задала, думаю, не менее ехидно, чем Хасбулатов: «С кем бы вы хотели встретиться в США?»

– А он чего?

– Улыбнулся и ответил: «С Моникой Левински»

Председатель еще раз расхохотался.

– Да, сообразительности, умения ориентироваться в ситуации и чувства юмора у него не отнять... А все-таки, как к безопасникам попал?

– Очень просто. В свое время, когда претензионный отдел был еще не в службе безопасности, я им много раз помог. Опыт есть, лог-файлы разные понимаю четко, причем, не только то, что в них написано, а что конкретно надо с устройством делать, чтобы оно в лог именно так написало. Помог вывести нескольких доморощенных жуликов на чистую воду, потом перевели меня к претензионщикам. Английский знаю, документацию платежных систем почитал, работа заладилась. В сотрудничестве со службой безопасности намного более непростых жуликов отловили. Потом предыдущий начальник уволился – стал руководить. А еще позже реорганизация случилась, так весь отдел в службе безопасности и оказался.

– Да, маловато ты о себе рассказал. Женат, дети есть?

– Ну, кольцо вроде на пальце, ребенок один, мальчик шести лет.

– Ладно, иди, еще успеем поговорить, не в последний раз встречаемся. Хотя... ты-то сам мне никаких вопросов не хочешь задать?

Взглянув на председателя, Николай понял, что лучше всего будет откровенно и честно задать тому мучивший его вопрос:

– Владимир Сергеевич, а почему назначили именно меня?

– Молодец! Не видишь своих огромных заслуг почему-то?

– Честно говоря, нет. Заслуги-то были, но последнее время ничего особого нет. Жуликов правда, от банка отогнал, но то с год назад было. А сейчас-то за что? У самого Петра Валерьевича кандидатов, небось хватает...

– Кстати, о Петре Валерьевиче. Он не сказал тебе, почему назначили?

– Нет.

Председатель пристально посмотрел на Николая, слегка прищурившись – он, видимо, желал найти в его взгляде признаки лжи. Не обнаружив их, так как Николай смотрел на него открытым и честным взглядом, председатель задал следующий вопрос

– Тебя, поди, подозрения разные мучают?

– Признаюсь, не без этого.

– Не бойся... Если будешь хорошо работать, несправедливо к тебе не отнесутся – я за этим сам прослежу. Подстав быть не должно, а если и будет – разберемся вместе

– Спасибо, Владимир Сергеевич. А все-таки, почему я?

– На этот вопрос я тебе, в лучшем случае, очень нескоро отвечу, и то, если понравишься.

А пока лучше его не задавай. Договорились?

– Договорились. До свидания, Владимир Сергеевич.

– До свидания

Покинув кабинет, Николай усмехнулся про себя – вопрос «не задавай»... Да не больно-то и хотелось, но, все-таки почему??? Внезапно он почувствовал себя подопытным кроликом в садистском эксперименте. «А ну-ка, ребята, давайте исследуем, можно ли вообще помереть от любопытства, или все-таки нельзя? Где там подопытный Старостенко? Подать его сюда, сейчас мы ему создадим правильные условия...». И создали ведь... Уж не пишет ли кто-то из парочки председатель-начальник службы безопасности диссертацию по психологии? Как бы он сам ее назвал? что-то типа «Исследование поведенческих реакций индивидуума в условиях внезапно изменившихся обстоятельств, сопровождаемых обостренным неудовлетворенным любопытством». Хотя настоящие психологи тебя на смех с таким названием подымут – не забывай, что ты, Коля, все-таки инженер... А вообще все прошло более-менее удачно. И подстав быть не должно, хоть эта гора с плеч свалилась, и дурнем себя перед председателем вроде бы не выставил, и, кажется, вопрос ему совершенно правильно задал. В общем, вроде бы все прошло хорошо, констатировал про себя Николай, подходя к кабинету начальника СБ.

Председатель тоже был удовлетворен беседой. Старостенко осмелился задать ожидаемые председателем вопросы, правильными были и сомнения новоиспеченного заместителя. Это хорошо... человек точно оценивает свои достижения, не считает свое возвышение естественным, щеки не надувает и, судя по всему, нимба в зеркале не видит... Эк заинтересовался, почему да почему... Может и ни скажу никогда, а может через пару лет сообщу. Председатель и не подозревал, что он откроет правду сам и намного раньше срока...

Глава 4

Будильник разбудил Василия Соловьева в семь утра по Благовещенскому времени. Вместе с Василием была разбужена и сильная головная боль, вызванная вчерашним недосыпанием. Соловьев плеснул в физиономию холодной воды, что разбудило его процентов на тридцать-сорок, не более, кое-как побрился, наскоро позавтракал и заставил себя взбодриться, перед тем как идти на работу. К счастью, начальник Василия слег с весенним гриппом, а остальным его сонливость отнюдь не мешала. После того, как Соловьев поспал в обеденный перерыв, он почувствовал себя лучше и начал с нетерпением ожидать шести вечера. Кое-как досидев до конца рабочего дня, он рванул домой, включил компьютер, и начал искать в Google, на сей раз используя публичный проху-сервер в Мексике. К счастью для Василия, вездесущий сервис уже успел отразить обновленный журнал Киюши Онода в своем поисковом индексе. Несмотря на это, Соловьев потратил более двух часов для того, чтобы найти журнал Оноды – казалось, что стаи Аманд замусорили весь Интернет и он нет-нет, да и отвлекался на них. Вначале Василий просто не включал слово livejournal в строку поиска, затем не догадался поставить его впереди слов Amanda и BNA⁷. И, только догадавшись сделать так, он нашел необходимый ему живой журнал. Английский Соловьев знал очень плохо, но все же ему хватило познаний на то, чтобы понять строку «My last workplace Amanda BNA company»⁸. Ага!!! Однако, интересный мужичок – давай-ка, посмотрим, чего там написано в User Info, так... год рождения... Ого, дедушке за шестьдесят... не сдурел ли старый? А тебе-то вообще какое дело? – если поможет, тогда будь он хоть триста раз сумасшедшим, все едино. От него надо попытаться информацию получить, а не его психическое здоровье проверять... Ладно, вот она ссылка «Amanda» – зайдем туда. Так... общая рекламная информация о фирме – поставим закладочку на эту страницу, мало ли что. А вот и фотография самого хозяина журнала на работе – пожалуй, ему тут не шестьдесят, а еще и сорока нет. Хотя леший этих японцев знает, на глаз возраст не определишь... Соловьев всмотрелся в фотографию повнимательнее и, заметив, что под маленькой картинкой в журнале есть ссылка на полноразмерное фото, недолго думая, щелкнул мышкой – нечего глаза ломать. Фотография загрузилась в две секунды и он начал внимательно рассматривать ее. С первого же взгляда Василию бросилось в глаза несоответствие пропорций мини-снимка и просматриваемого им фото полного размера. Большое изображение было вытянутее, да... растянуто по высоте. Однако, странно... К чему бы это? – мне бы самому, например, было бы очень лениво отрезать нижнюю часть. Он всмотрелся в снимок повнимательнее. Справа вверху был рекламный плакат с надписью вверху «you are interested...»⁹ Остаток надписи с, очевидно, вопросительным предложением, был отрезан краем снимка. И надпись почему-то с маленькой буквы... Под надписью были сфотографированы приемники банкнот – один виднелся полностью, от второго виднелась только часть. Сколько могло быть устройств на оставшемся невидимым куске плаката – одному Богу ведомо... Под плакатом за столом сидел мужик, видимо, сам хозяин журнала. Внизу на полу было что-то вроде ковра или покрытия, кстати, достаточно пестрого и совершенно неестественно смотревшегося на фоне аскетического окружения и девственно белой стены слева. А ведь его-то и нет на малоразмерном изображении. Гм... такое впечатление, что не маленький снимок обрезают, а, наоборот, эту дрянь сюда фотошопом приделали. А зачем??? Понимаю еще, морду свою рихтовать, да и то! – какой смысл разглаживать себе морщины на снимке, честно признавшись в своем возрасте? Не то тут что-то, только что именно... Соловьев начал

⁷ Bunch Note Acceptor – Англоязычное сокращение для приемника банкнот.

⁸ Мое последнее мест работы – компания Amanda BNA в Лос-Анджелесе»

⁹ вы заинтересованы...

внимательно, сантиметр за сантиметром просматривать изображение. Через минуту он был вознагражден – на белой стене он наметанным взглядом художника заметил какой-то неестественный перепад яркости. Кстати, как раз рядом с надписью на плакате. Василий живо скачал изображение к себе на компьютер и открыл пиратский фотошоп. Начнем, пожалуй, с яркости и контраста... Он выделил подозрительный участок изображения и начал крутить за различные настройки, внимательно глядя на изображение. После двухминутных усилий он откинулся на спинку стула и внимательно посмотрел на проступившее английское слово If. Учтявая то, что слово было написано как раз перед надписью на плакате, получившееся в итоге предложение переводилось как «Если вы заинтересованы...». Еще как заинтересованы, черт возьми!!! Вот только понять бы, чем именно... Ладно, отгадка, видимо, в нижней части на «коврике». Не зря его туда прицепили, ох, чувствую, не зря... С ковриком он провозился подольше. Необходимо было догадаться, что нужно полностью убрать цветность, перегнав изображение в черно-белое. После этого четко проступила надпись:

Look at image 18 at [www...](#)¹⁰

Василию становилось все интереснее и интереснее. Он быстро набрал адрес и оказался на бесплатном фотопортале. Не глядя на прочие снимки, он быстро нашел восемнадцатый, на котором был очень ловко схвачен момент листопада. Практически вся фотография была заполнена гонимыми ветром падающими листьями, за которыми проглядывал красивый, но размытый пейзаж. Однако, мужик не промах – такой снимок требует определенного мастерства – машинально отметил Соловьев, работая с настройками цветности, яркости и контраста. И вновь на изображении проступили надписи:

1. Send e-mail to ..., that you are interested by image 15. E-mail must be NEUTRAL
2. Download and install program at [www...](#)¹¹

Инструкции были точными, но Василий призадумался. Читать-то он как-то, а, вернее, кое-как по английски читает, но вот писать... Да его писанину и не поймут, чего доброго... Вот прикалывался ты в душе, Вася, над потенциально сумасшедшим дедушкой, а тут он тебя сам за психа примет... Ладно, это на завтра оставим, а что там за программа? Оказалось, программа что-то делала с какой-то там стеганографией. Географию учили, порнографию видали, а это еще чего за изврат? – да он и слова-то такого не слышал до этого. После краткого знакомства с предметом Соловьев восхищенно помотал головой – и придумали же! Собственно, то что он делал сегодня вечером со снимками, было доморощенной стеганографией, которая, как оказалось, и предназначена для того, чтобы прятать различные данные в невинных на первый взгляд изображениях. Но если найденные им замаскированные надписи могли быть выявлены изменением параметров снимка и следы постороннего вмешательства замечались на белом фоне после первого внимательного взгляда, то настоящая стеганография выдержала бы не то, что второй-третий – пятидесятый **ОЧЕНЬ** внимательный взгляд – все было чистенько. Цвет или яркость точек менялись на абсолютно невидимые глазом взглядом величины, которые успешно расшифровывались знающими людьми, использующими декодирующую программу. А без нее и не догадаться, что в картинке что-то скрыто, фотошоп никакой не поможет... Однако, с пониманием сути стеганографии появилась и проблема – программа работала под Linux, а Василий не знал его совсем. Да, Вася... чему, тебя, дураля, в школе учили? горько подумал он. Ну, от линукса, положим, отмажешься, а с английским как? Прогуливал... и теперь об этом жалеешь. Ладно, утро вечера мудренее, сонным и усталым все равно ничего не напишешь, ни поймешь... Жалея о том, что раздолбайствовал в школе, Соловьев отправился спать,

¹⁰ Посмотрите изображение 18 на [www...](#)

¹¹ 1. Отправьте e-mail на адрес... о том, что вы заинтересовались изображением 15. E-mail должен быть НЕЙТРАЛЬНЫМ
2. Загрузите и установите программу на [www...](#)

но, несмотря на то, что был очень усталым, долго не мог заснуть, гадая, что же хочет сообщить ему японец...

Игнат Владимиров дождался, когда родители уйдет на работу и попытался заняться домашним литьем из полистирола на балконе. Он запасся паяльной лампой, электроплиткой, старой миской, изготовил из жести аккуратную призматическую форму и начал, как она сам назвал свое занятие, «химичить». Химией, конечно, тут и не пахло, литье скорее относилось к физике, но Игната совершенно не заботила возникающая терминологическая путаница. Результаты, полученные при тестовых отливках, превзошли его самые худшие ожидания. Конечно, Игнат говорил себе, что для всякого стоящего дела требуется практика, но такого фиаско он не ждал. Форму из жести он сделал хорошую и ровную, но беда была в том, что пластмасса застывала не одновременно и от этого принимала совершенно не фабричный вид. Литью мешала и низкая температура на балконе – хоть мороз и спал, да и от плитки на застекленном балконе стало намного теплее, чем на улице, но пластмасса все равно застывала не равномерно. Ругаясь, он пробовал снова и снова, но после десятой попытки сдался и стал раздумывать над тем, что делать дальше. Ждать лета? А если летом будет не лучше? Пробовать еще? – бесполезно... Кого-нибудь нанять? – а кого, черт возьми, наймешь... Тут Игнат вспомнил, что один из его сокурсников занимается литьем оловянных солдатиков и заколачивает у маньяков-коллекционеров по тысяче рублей за штуку. Так, мысль чертовски интересная, но материал явно не тот... Все-же стоит попытаться... А как при этом не подставиться? Подумав немного, Игнат прибрал все следы своей литейной деятельности и сел за стол. Ему предстояло заняться черчением, которое он ненавидел до глубины души. Но чего только не сделаешь ради возможной наживы...

Семен Моркофьев проснулся и сразу же вспомнил про Профессора. Конечно, Семен не ждал того, что Профессор позвонит ему в первый же день, но надеялся на быстрее решение вопроса. Для того, чтобы занять себя во время вынужденного бездействия, он опять засел за книгу, разок прервав это занятие просмотром телевизора (в кои-то веки!). Семен было заинтересовался конкурсом «Супермужчина России», но посмотрев несколько минут на то, как мужики прыгают в лапах через скакалку, а их прыжки оценивают по неким совершенно непонятным критериям, чертыхнулся в сердцах – ну и ерунда, какой же нормальный человек ЭТО будет смотреть?. Да... не умеешь в лапах через скакалку прыгать – не быть тебе супермущиной... – подумал Моркофьев и выключил телевизор. И придумают же туфту – подумал он, вновь берясь за чтение. Было уже около восьми вечера, когда раздался долгожданный телефонный звонок

– Добрый вечер

– Привет, Семка-Морковка!!! – раздался в телефоне бодрый голос Профессора, помнившего, как оказалось, его школьную кличку.

– Здравствуйте, Профессор – ответил Семен в той нарочито почтительно-издевательской интонации, с которой Профессора приветствовали в школе. После полусекундной паузы он подумал, что, он, возможно, и перегнул палку – не обиделся бы Профессор, чего доброго, но из трубки донесся веселый смех и возглас – Помнишь, зараза!

– А то!

Разговор был коротким, но содержательным. Узнав, что надо бы встретиться, сообразительный Профессор, поняв без упоминания, что разговор не телефонный, назвал адрес, который был прилежно записан и переспрошен Семеном; так же быстро договорились по времени на завтра и обменялись сотовыми телефонами. Положив трубку, Моркофьев издал глубокий вздох облегчения и подумал, что надо бы сделать еще один телефонный звонок.

– Серега, как дела?

– Здравствуйте, Семен Васильевич. Хорошо дела идут, многое узнал дополнительно. Поговорить бы...

– Да, поговорить не мешает. Записывай мой адрес.

Последовала возня с ручкой и диктовкой адреса

– И еще, Серега. Предупреждаю заранее, даже до встречи. Не исключено, что надо будет на денек в субботу-воскресенье километров на триста со мной от Москвы отъехать, объект один посмотреть. Ты как, готов?

– Готов, конечно.

– Ладно, встретимся предположительно послезавтра. Завтра у меня важная встреча, от которой, собственно, и зависит, поедет или нет. По результатам отзвонюсь и тогда на точную дату-время встречи договоримся.

– Хорошо, жду звонка.

– Ну, бывай, Серега!

– До свидания, Семен Васильевич.

Моркофьев, очень довольный разговорами, почувствовал, что нервное напряжение, подспудно изматывавшее его два дня, спало. Казалось бы, ничего не делал, а все равно вымотался как, подумал он, проваливаясь в сон.

Не знавший Моркофьева председатель правления Ультрим-Банка искренне позавидовал бы ему. Группа достаточно влиятельных акционеров, неформально возглавляемая одним из новых вице-президентов, собиралась устроить какую-то подозрительную реорганизацию. Он уже несколько дней вчитывался в документы, но никак не мог понять, что им было нужно. Его крови? – это было бы, по крайней мере, естественным, но и замеченным сразу. Улучшения работы банка? – и так все работает, да и неплохо. От мер, которые планировалось принять, очевидных плюсов не виделось. Различных аппаратных подвижек в свою пользу, мягко переходящих к его свержению? Возможно... Но председатель застраховался от этого. Он очень ловко возложил ответственность за ход и результаты реорганизации на инициативщика вице-президента, оставив за собой право «прикрыть этот бардак», если сочтет нужным. Вице-президента подобный поворот дела не смутил. Если бы он задумывал «недоброе», то после полного перекалывания на него ответственности было бы естественным тихонько задвинуть проект и «убежать в кусты», но ведь этого не произошло! Что же им, черт возьми, надо? – никак не мог понять председатель. Именно это непонимание и беспокоило его больше всего. Обычно председатель, глядя в документы или слушая выступающих, быстро понимал не только откуда ветер дует, но и куда он в итоге вдуется после принятия необходимых административных решений. Однако, для того, чтобы принять эти самые решения, и нужно понимание причин – без этого никак, борьба со следствиями, а не с причинами до добра никого не доводила. А именно сейчас с этим самым пониманием в кои-то веки была беда – причины действий вице-президента были совершенно непонятны. Мутил воду именно он – председатель шепнул преданному себе мелкому акционеру о том, что надо бы присоединиться к «фронде», и после этого получал данные из первых рук. Если бы это был подкоп лично под него, то вице-президент вылетел бы после первого же неосторожного слова. Но ведь долгожданных решительных слов то не и было! – все активно и деловито занимались планированием черт знает чего. Там было и изменение формата отделений и какая-то объявившаяся невесть откуда концепция финансового супермаркета и прочая ерунда, по мнению председателя, совершенно не дружащая со здравым смыслом. Председатель никак не мог прийти к какому-либо мнению о том, что же делать с этим дальше. Однако, в своих мысленных поисках он не учитывал того, что кроме внутренних врагов, с которыми за много лет работы на руководящей должности председатель научился мастерски бороться изощренными аппаратными интригами, бывают еще и внешние. С деятельностью которых он еще не сталкивался...

Глава 5

Старостенко возвращался в кабинет из своего первого «похода» в подразделения банка в качестве большого руководителя. Дела в его бывшем подразделении шли неплохо, он контролировал их минут по десять утром и вечером, но ошибок и недоработок не замечал. Видимо, поэтому, Николаю был дан непрозрачный намек начальником службы безопасности о том, что «надо бы прогуляться». Николай и сам чувствовал, что засиделся в кабинете, не зная, чем бы заняться. С бумагами, переброшенными начальником, он расправлялся достаточно быстро. Вообще, в службу безопасности обычно пишут или рутинные бумаги, такие, как списки допущенных к работе в вечернее и ночное время, или тогда, когда случилось что-нибудь эдакое и бумага при этом получается совсем не тривиальная. Пока на него навалили только простые бумаги, которые разбирались очень проворно. Позвонишь автору, спросишь о том, действительно ли такому-то, выбранному в списке наугад, надо по ночам работать и визитируешь. Первый раз он сходил к знакомым карточникам в отдел, занимающийся установкой, регистрацией и обслуживанием терминалов для обслуживания кредитных карт, или POS-терминалов. Еще на пути туда он заметил, насколько больше людей стало узнавать его и с ним здороваться. Видимо, его поход к председателю с солидной красной папкой уже стал общеизвестным. Способы и скорость распространения слухов в банке, если и отличались от обычных, то только убыстрением передачи, ввиду большей плотности «населения» офиса. Арендные ставки в Москве росли все больше и больше, поэтому руководство старалось рассаживать сотрудников поплотнее, что только увеличивало возможность для того, чтобы потихоньку поболтать. Поэтому слухи и разлетались по банку со скоростью ударной волны от мегатонной бомбы. Вот увидели его, выходящего из кабинета председателя – через пару дней все узнают и здороваются. Сами приветствия тоже изменились – они стали явно более почтительными, чем были раньше. Николай было попытался понять, плохо это или хорошо – все-таки раньше с ним здоровались более сердечно и менее напряженно. Но он быстро понял, что прошлого не воротить. Возможно, раньше было и лучше, но пути назад уже нет – теперь он сам достаточно большой руководитель и приветствуют его соответственно. Старостенко сказал себе, что к этому надо просто привыкнуть, как ко всякому явлению, от которого никуда не денешься. Николай сходил «в народ», как ему показалось, достаточно удачно. Конечно, до высшего пилотажа вице-президента по развитию бизнеса ему было далеко, но он хорошо пообщался с начальником, напомнил всем о том, что надо быть бдительными и при подозрительных действиях или излишней заинтересованности внутренней деятельностью подразделения, в особенности данными для служебного пользования нужно сразу доложить ему. Удачные обороты в своей достаточно спонтанной беседе он запомнил и намеревался использовать их в будущем. В частности, экспромт о том, что нужно сразу же докладывать о тех своих промахах, которые уже повлекли за собой некие последствия. Внешняя безопасность – сказал Николай – дело, безусловно, важное, но внутренняя безопасность тоже очень сильно зависит и от Вас самих. Если кто натворил что-то такое, что повлечет за собой финансовые потери – сразу же «сдавайтесь властям», как говорят в США. Пока процесс не зашел слишком далеко, усилиями начальства многое можно исправить. Конечно, Вы схлопочете, но не ошибается тот, кто ничего не делает – если честно признаетесь в содеянном, страшных последствий не будет. А вот тому, кто пытается скрыть свои промахи и потом выясняется, что два терминала работали три недели в разных предприятиях, но на один счет, пока виновный это не заметил и не попытался замести следы... Тому точно будет плохо – и, на 99 процентов не оттого, что он натворил, а потому, что верить такому человеку уже нельзя. Пример был свежим и поэтому воспринялся с большим пониманием – не так давно один деятель попытался скрыть именно такую ошибку, но его действия не остались незамеченными. Так как было очевидно, что он действовал с перепугу, а не по злему умыслу,

ему дали уйти «по собственному», однако, альтернативой было увольнение по статье с записью в трудовую книжку. И ушел исключительно по собственной глупости – конечно, если бы он сразу доложил наверх, то получил бы от души. Но потом бы написали служебную записку, сбегали в бухгалтерию, сделали отмены с доначислениями и закрыли вопрос. А так – «увы и ах»... Внезапно Николай заметил своего старого приятеля – Ростецкого и через несколько секунд обрадовался тому, что кто-то еще здороваётся с ним, как раньше. Хотя и не совсем – некоторая натянутость все же появилась. Ростецкий возвращался с какого-то совещания по одному из проектов, которые он вел, и Николай решил зайти к нему поболтать, подумав при этом, что с момента заселения в кабинет он стал намного реже общаться с коллегами.

Алексей Ростецкий был достаточно известной в банке личностью. Да и не только в банке – в том карточном профессиональном сообществе, из которого недавно выпал сам Николай, его знали очень многие. И не только знали, но и уважали. Ростецкий отлично разбирался в очень многих технических аспектах карточного бизнеса. Начинал он с терминалов, которые устанавливали для приема карт в магазинах, потом ненадолго занялся банкоматами, приложил руку к смежной области коммуникаций, когда занимался сетями терминалов, чиповыми картами... Потом ему стали доверять проекты на внедрение новых услуг, присылаемые из международных платежных системам по заявкам банка. Хотя людей, занимающихся такой работой, было не очень много, и все они были достаточно толковыми, Ростецкий выделялся даже среди них многими отличительными чертами. Прежде всего, его умение держать слово выделялось даже на фоне прочих достаточно ответственных людей. Перед тем, как что-то пообещать, он взвешивал свои обещания со всех сторон и часто обуславливал их, но, если Ростецкий что-то обещал безусловно, то этому было можно также безусловно верить. Видимо, поэтому его ценило начальство и подбрасывало на решение сложные проблемы на грани решаемости, а часто и далеко за ней. Как говорили некоторые его начальники, Ростецкий может сесть, подумать и разобраться. Скорее всего, поэтому ему прощали редкую в наши дни тягу к тому, чтобы говорить правду. В том числе, хоть и в высшей степени корректную, высказываемую уважительным тоном, но неприятную. Честность Ростецкого была безукоризненной, в том числе и по отношению к характеристикам самого себя, не говоря уже о прочих. Николай гадал о том, как начальство его терпит и не мог этого понять. Конечно, на первый взгляд могло показаться, что Ростецкий это не человек, а просто икона находящегося под постоянным риском блаженного изгнания за правду, но если бы такую икону написали и повесили в церкви... Николай подумал, что икону Ростецкого очень быстро бы оттуда сняли, например, после того, как она посмотрела бы своим отнюдь не ангельским, а скорее ехидным ликом на пришедшую замаливать грехи продавщицу лет сорока и явила бы чудо, спросив у нее: «Вам какой грешок конкретно отпустить? Обвешивание покупателей, неоднократное воровство из кладовки или прелюбодеяние? Да если пришли по последнему поводу, то, будьте добры, уточните, с каким именно из шести мужиков, чтоб я, не дай Бог, не запутался, а то много Вас тут таких ходит». Острота языка Ростецкого во многих местах вошла в поговорку – а, будучи смешанной с правдивостью, изрядным ехидством и здоровым цинизмом, на гора выдавались такие перлы, что народ местами и повторять-то боялся. Чего только стоила разнесшаяся по банку характеристика команды проваленного проекта по объединению нескольких групп карт в одну! Ростецкий сразу же сказал, что из этого ничего не выйдет и даже почему – остановить обслуживание карт дня на три для корректного сведения данных во всех системах никто не даст. Ему не поверили, полгода пытались что-то сделать и по закрытию проекта от Ростецкого услышали следующее:

– Объединяли группы так, объединяли сяк... Словом, занимались Вы полгода групповой и при этом даже никакого удовлетворения не достигли.

Нечего и говорить, что незадачливые участники проекта живо были окрещены групповщиками. Хорошо еще, у них хватило чувства юмора отвечать, что удовлетворения-то они

достигли и много раз, но, как чрезвычайно скромные люди, этого не афишировали. Хотя называть их так через пару-тройку недель перестали, словцо запомнилось всем, как и многие другие присвоенные с участием Ростецкого прозвища. Относиться к нему равнодушно было сложно – его или уважали, как профессионала, или побаивались острого языка, или завидовали, или... вариантов было много. Вот с такой незаурядной личностью сейчас беседовал Старостенко, подходя по коридору к закутку, где сидел Алексей. На столе у Ростецкого был творческий беспорядок – три толстые открытые папки с распечатанной документацией MasterCard, очевидно, перекрестно читаемые одновременно, занимали больше половины стола и почти прикрывали распечатанные результаты последнего тестового выпуска нового типа чиповых карт. Тестирование, видимо, было не очень удачным – на полях стояло много пометок и знаков вопроса. Ну, да разберется, ему не впервой – подумал Николай, усаживаясь на один из стульев для посетителей. Ростецкий уселся в кресло, вытянул ноги, оперев их об стоящий под столом дипломат, что было его излюбленной позой и продолжил беседу.

– Что-то мы, Николай, все о прошлом и о прошлом...

– Да, есть чего вспомнить. Как обтекаемо сказал однажды Джеймс Бонд в одном фильме: «Мы многое пережили вместе»

– Ладно, давай лучше о будущем. Тебе как, не кажется, что очень скоро кого-то назначат виноватым за все промахи службы безопасности?

– Я так понял, что «кого-то» я часто в зеркале вижу?

– Именно!

– Не думаю.

– Э-э-э, батенька... Глупость и гордость часто ходят в обнимку...

– Да нет, все будет нормально. Знаю, но сказать не могу.

– Голос настоящего сотрудника службы безопасности, снимаю шляпу, Николай Владимирович. Уж не допросить ли меня пожаловали?

Ехидно-насмешливая реплика была типичной для Ростецкого, который, видимо, решил слегка обескуражить Николая. А почему бы не подыграть ему? – заодно и вопросы задам, на которые раньше не решался – подумал Старостенко.

– Да, вообще-то, и в мыслях не было, но если Вы так жаждете сдать властям...

– Да я просто сплю и вижу, но власти меня совершенно игнорируют – уже три года ни единого допроса. Форменный беспорядок!

– Сейчас исправим.

Николай хитро и с усмешкой взглянул на Ростецкого, дав понять, что это не слишком серьезно, и в то же время нарочито суровым голосом задал тому вопрос, которым давно интересовался

– Скажите мне, Ростецкий, почему Вы всегда ходите с дипломатом?

– Это же сугубо необходимая вещь! В транспорте, в быту, на работе – везде применяться может. Вот, например, сейчас – на него опираются ноги. В электричке на него опираются руки, когда он вертикально стоит на коленях. К тому же, дипломат на коленях в электричке это и средство от посягательств на занимаемую территорию...

– Это как? – заинтересовался Николай.

– Вот уселся, допустим, в электричку александровскую. На беду, их сейчас после запуска скоростных «спутников» стали почти со всеми остановками пускать, ломится в них народу немеряно. Положим, ворвался я туда в первых рядах, уселся себе у окошка и подваливает затем какой-то сильно разочарованный тем, что его обогнали, мэн. По морде видно, что откуда-то из Струнино, габаритами метр на два. У окна, он, само собой, уже не сядет, влезает на среднее место. Крайний к проходу при этом, если он там был, уже сразу висит в проходе на одной ягодице. Но этого вломившемуся мало, он, как правило, начинает раздвигать ноги пошире.

– Почему так?

– Да я и сам не знаю. Конечно, есть вариант спросить... Ростецкий оглянулся кругом и продолжил, не заметив в радиусе слышимости особ женского, как, впрочем, и мужского пола. Да, можно было бы у них спросить, например, почему Вы так усердно сушите свои яйца, или поинтересоваться, правда ли, что за 80 километров от Москвы мудья не моют, а только подсушивают и присоветовать, как паллиатив, подмываться.

– Пожалуй, это, как минимум, переведет беседу на гораздо более повышенные тона – засмеялся Николай.

– А зачем мне это? Лаяться всю дорогу с риском получить по физиономии – не наш метод. Дипломат упирается в стену у окна, отодвинувшаяся толстенная ляжка, как правило, упирается в него. Один дятел так аж до Мытищ пыхтел, насилуя бедный чемодан, видимо, думая, что упирается в бумажник в кармане. Когда он исподобился повернуть башку направо, бедняга так покраснел от разочарования, что мне показалось – его вот-вот кондратий хватит, аж малиновым стал. Дипломат – вещь что надо бумажки-журналы в нем не мнут, влазит, если правильно укладывать, очень много, средство самообороны опять-таки, какому борзому пьяному между ног им захватить. И вообще – это уже часть образа!

– А усы – это тоже часть образа? – усмехаясь, спросил Николай

– Само собой! Я по ним узнаю, кого в зеркале вижу. Они мою морду внизу визуальнo расширяют.

– Это еще зачем? По-моему, твоя морда и так достаточно широкая.

– А как же! Чем шире наши морды, там теснее наши ряды!

– А как Вам, Ростецкий, удастся так ловко говорить начальству правду и не быть при этом уволенным? – спросил Николай, с трудом сдерживая хохот. Этот вопрос интересовал не только его, а очень и очень многих.

– Ну, да это же совсем просто. Это еще в шестнадцатом веке не только знали, а даже на бумагу положили, я тут ничего нового не изобрел

Николай уставился на собеседника, озадаченный

– Просто все, просто, Николай Владимирович. Никколо Маккиавели, его сочинение «Государь», от которого и пошел тот самый упоминаемый раньше в Правде в самом негативном свете «маккиавеллизм». Само собой, когда книга попала в руки, стало интересно, чего ж там такого страшного для КПСС написано.

– Ну и..?

– Много чего интересного и полезного написано, рекомендую. В частности, о том, что благоразумный государь должен выделить несколько мудрых людей и им предоставить право говорить все, что они думают, да и на советах вести себя с ними так, чтобы знали – чем правдивей выскажутся, тем больше угодят. Вот только одно условие неприятное соблюдать надо...

– Это какое же?

– Говорить правду можно, да и нужно, но! Только о том, о чем сам государь спрашивает. Да еще, так, чисто по ходу дела, надо бы и мудрым быть.

– Или казаться таковым для государя.

– А вот если государь не отличает мудрых людей от дуралеев или требует того, чтобы ему все льстили, то он быстро трон теряет. Про это же как раз в главе «как избежать льстецов» написано. Без правдивых сведений много не на руководишь. Этому, кстати, Политбюро, ругавшее через Правду макиавеллизм – лучшее подтверждение. Слушали только то, что им нравилось, слушали, вот и дослушались..

– Эт ты точно сказал...

– Ладно, если серьезно, помощь какая нужна? Чем смогу, помогу, только знать бы чем именно. Ох, и неспроста с тобой такое приключилось. Не завидую...

– Ты-то нет, а остальные?

– Плюнь. Если перевешать всех дураков, то, при жестких, но, тем не менее, правильных критериях глупости останется максимум два-три процента населения. Как сказал Бернард Шоу, два процента населения думают, три – думают, что думают, а остальные скорее сохнут, чем начнут думать.

– Ладно, за помощь заранее спасибо, хотя какая именно нужна – хрен его знает. Определюсь – приду.

Николай попрощался с Ростецким и пошел в свой кабинет. По дороге он думал о том, что, несмотря на его уход в службу безопасности, у него остались настоящие и толковые друзья среди «картежников», не забывающие о его корнях. В который раз он пожалел о том, что жизнь заставила его оставить карточное профессиональное сообщество. Заходя в кабинет, он вновь произнес про себя спасительную мантру «случившегося не воротишь» и взял документ, который он оставил себе на «после похода».

Семен Мокрофьев сидел у кабинета Профессора. Найти его оказалось не трудно, несмотря на то, что он снимал достаточно дешевый офис на окраине города. Впрочем, Профессор никогда не любил показухи и еще в школе ухитрялся хоть и обдывать дела «по тихому», но, в то же время, так ловко, что все знали о его неформальном руководстве. Вот только ничего доказать не могли. Правда, именно в десятом классе его метод один раз дал сбой, но Профессор каким-то необычным образом ухитрился выкрутиться из сложнейшей передрыги. И больше не попадался, видимо, жизнь его кое-чему научила. Бизнес Профессора прошел достаточно сложный генезис от полуподпольного к околобандитскому и затем большей частью легальному. Впрочем, за 90-е этот путь прошли многие. Существенная разница была в том, что Профессор в свое время не сидел под крышующей «бригадой», а сколотил свою собственную, которая, в отличие от прочих, не промышляла набегами на конкурентов, а лишь защищала его бизнес от наездов со стороны. Однако, такая защита проводилась очень жестко и, по слухам, часто выходила за рамки закона. Если верить молве, довольно многие «наезжавшие» вдруг куда-то пропадали... Но время тогда было лихое и таковым грешили многие. После начала крышевания предприятий милицией ядро бригады переквалифицировалось в охранников. Видимо, Профессор не хотел до конца распускать свою боевую организацию. «Разумно, мало ли какие времена настанут» – подумал Семен. Один из таких охранников, на лице которого аршинными буквами было написано непростое прошлое, стоял возле кабинета Профессора, в который заходила секретарша для доклада о приходе Моркофьева. До этого Семен видел еще нескольких таких же закаленных в прошлом охранников на входе и у лифта. Страж кабинета недоверчиво рассматривал Моркофьева, но расслабился после того, как из кабинета высунулась голова Профессора с возгласом «Заваливай». Семен немедленно последовал указанию.

– Ну, здорово! Забыл ты меня, Семка-Морковка!

– Да как можно Вас забыть, Профессор! Просто не хотел мешать бизнес-процессу.

– Да, затягивает этот процесс, затягивает...

– Кстати – бизнес-процесс не поглотил ли все развлечения? – ввернул Семен, осторожно переводя беседу в нужное себе русло. Давно ли на рыбалке был?

– Да, пожалуй, лет восемь назад, если не больше. Теперь у меня в той хате прямо как зона отдыха для охраны. Стерегут ее по двое неизвестно от кого, получается им, типа, как отпуск.

– Спрашиваю, кстати, не просто так, а с определенной целью.

– На рыбалку меня задумал выудить? Я, честно говоря, этой хаты сейчас даже стесняюсь – знакомых, кроме тебя, и не пригласишь, засмеют.

– А чего так? – недоуменно спросил Семен.

– Да как тебе сказать... Чем-то она мне малиновый пиджак образца начала 90-х напоминает... Строилась в 92-ом году за колоссальную тогда сумму в 50 штук баксов. А сейчас смотрится со стороны, а, тем более, внутри, прямо, как тот пиджачок, но не в 93-ем,

а сегодня... С замаскированным схороном в бетонной стене да подвалом под, типа, недостроенную бильярдную, в котором едреный взрыв пересидеть можно... Дико, одним словом.

– Ну так и продай ее мне! – живо сориентировался Семен. Полтинник баксов я тебе дам.

Профессор откинулся на спинку кресла так, что чуть было не кувыркнулся, и весело засмеялся.

– Другому я бы всучил, не думая, но тебе... Там и электричество-то от дизеля мелкого и удобства втихаря в реку выведены. Да и далеко.

– Знаю. Она мне нужна не просто так, а для определенного дела. И, перед тем, как я соглашусь, мне, во-первых, надо ее посмотреть с одним парнем, а во-вторых, поговорить с директором местной электростанции.

– Однако, задумал ты, Семка, чой-то эдакое... Сказать не можешь, чего?

– Нет, не могу. Извини, Профессор, ты все равно не поверишь.

– Ну, хотя бы в общих чертах...

– Да как тебе сказать... Я там буду ставить серьезный эксперимент, для которого много электричества надо.

Профессор пристально посмотрел на Моркофьева.

– И не брешешь, вроде.

– Ты же видишь, что нет. В принципе, если куплю твою хату, можешь потом заехать и посмотреть, что там будет. Но с одним условием...

– Не интересоваться, чем именно занимаешься? живо сориентировался Профессор.

– На лету схватываешь... Даже тот парнишка, который будет мне помогать, и то не знает ничего, кроме необходимого для дела. И учти – от всякой мудрости только встарь было всего лишь много печали, а сейчас – еще и много опасности, тебе ли не знать... Меньше знаешь – крепче спишь.

Профессор призадумался и сказанул такое, чего Семен не ждал:

– Черт возьми, уважаю честных рыцарей плаща и кинжала. Если Лубянке для какого-то загадочного эксперимента понадобилась моя хата, могли бы ее просто отжать под каким-то предлогом. А тут прислали старого знакомого, да еще с деньгами, аж не верится. Передай начальству искреннее спасибо. И я ее тебе, так и быть, продам за тридцатник.

Семен просто остолбенел. Вся его выдержка понадобилась для того, чтобы не выказать своего полного обалдения от речи Профессора. Хотя... если посмотреть со стороны, высказанное предположение по-своему логично. На кой черт нормальному пенсионеру хата настолько на отшибе? А зная, где он работал, всякому нестандартному действию очень легко найти объяснение, кстати, не имеющее ничего общего с правдой. Вот так и рождаются загадочные истории про госбезопасность... Надо бы как-то это обратить себе на пользу и при этом не врать.

– Ну, Профессор, вообще-то я давно на пенсии..

– Расскажешь парторгу! Знаем мы вас – бывших разведчиков не бывает.

– Тогда – без комментариев – твердо ответил Семен.

– Поня-я-я-тно – хитро улыбнулся Профессор.

– И сам ты об этом деле помалкивай. Да охране своей скажи, если заинтересуются вдруг, чтоб не трепались. Они, я смотрю, у тебя люди серьезные, хватит одного намека.

– А то! Я так понимаю, о делах, по которым ты пришел, мы уже поговорили.

– Пожалуй, да – усмехнулся Семен.

Профессор позвал секретаршу, которая живо принесла «Реми-Мартен» с конфетами. Остаток дня собеседники провели за коньяком и школьными воспоминаниями. Перед расставанием они договорились о дате следующей встречи для поездки к загородному дому.

Глава 6

Тем временем Игнат Владимиров договаривался со студентом из соседней группы. Его прозвище «Литейщик» говорило само за себя. Оловянные солдатики, отлитые им, разлетались по коллекционерам, как горячие пирожки. Но сейчас Литейщик склонился над чертежом, недовольно нахмурившись.

– Да, задумал ты, Игнат. Я ж такого никогда не делал...

– Ну и сделаешь! Ты-то, чтоб не сделал!

– Не знаю, не знаю... Материал для меня совсем новый, да еще и абсолютно ровные края с поверхностями. Открою тебе секрет – плюс-минус миллиметр на солдатике часто и не видно, особо когда его потом раскрашивают, а тут...

– Ладно. По крайней мере, попробуешь хотя бы. В случае удачи дам тебе пять штук.

– А если не получится?

– Вот тысяча задатка, еще четыре – когда деталь будет готова.

– А что за деталь-то?

У Игната был заранее заготовлен ответ на этот очень неудобный вопрос

– Кухонный комбайн у бабки старый, из Японии привезенный. И угораздило же меня расхреначить один лоток там.

– А чего бабке новый комбайн не купить?

– Как тебе сказать... Во-первых, все равно дороже выйдет, во-вторых – вони от старухи будет немеряно. Она и тем-то двадцать лет назад еле научилась пользоваться, а сейчас вообще ни хрена не освоит. Техника-то стала посложнее и на двадцать лет старше, а она, блин, соответственно, на двадцать лет тупее.

– Ладно. Неделю я на это дело беру, мозг мне не компостирую. Если получится раньше – отдам раньше.

– А если нет – отдашь материал. Сам буду тренироваться. Но ты уж постарайся. Выйдет у тебя новая сфера деятельности может открыться. Оловянные солдатики дороги, а тут и материал исходный дешевле. Можешь десять солдатиков по столынику сделать и уйдут быстрее.

– Знаешь, а в идее что-то есть!

– Ты уж постарайся, не даром же тебя Литейщиком зовут.

– Стараться-то в любом случае буду, но стопроцентной вероятности тебе не дам. Я тебе все-таки не господь Бог, за ста процентами – к нему.

– Ладно, встречаемся через неделю. Пока.

– Договорились, или с тебя – четыре штуки, или с меня – материал.

– Ну давай, покажи, что можешь! – Игнат припомнил еще кое-что из учебника истории. Со щитом, или на щите, солдат!

После крепкого рукопожатия Игнат отправился домой, а Литейщик сел за чертеж и начал его внимательно рассматривать. В версию о кухонном комбайне он не верил ни на грош. Но что же тогда это, черт возьми? Пустотелая призма, сужающаяся к одному краю... Где же она может применяться? Он раздумывал минут десять и так и сяк, но не пришел ни к чему и начал обдумывать более прозаические дела, связанные с изготовлением детали. Если бы Литейщик догадался об истинном назначении детали, то, скорее всего, сдал бы Игната в милицию, но, справедливости ради, и намного более опытные люди не догадались бы, для чего это предназначено. Так первые изготовители пороха, видимо, тоже думали о том, что правильно приготовленную смесь селитры, серы и угля будут применять только в фейерверках и не могли представить себе иных областей ее использования...

Многие побежали бы в милицию, узнав и замыслы Василия Соловьева из Благовещенска. Но он и не думал выставлять свои планы напоказ, поэтому поводов для обращения туда не было. Соловьев был очень осторожен и ясно понимал, что доверять даже промежуточные результаты своей деятельности своему основному компьютеру, подключенному к интернету, он не мог. К счастью для себя, Василий, хоть и не профессионально, но интересовался компьютерами, довольно много читал про различные вирусы, шляющиеся по всемирной паутине и понимал, что на его пиратской windows вирусы могут быть занесены даже изначально при инсталляции с «левого» диска. Конечно, он пошел на риск поиска в интернете по «очень интересным» критериям, но по сравнению с тем, что Соловьев собирался делать дальше, такой поиск был просто мелкой шалостью малыша в песочнице. Сегодня с утра ему везло. Сначала он сумел договориться на работе о том, чтобы взять списанный антикварный ноутбук на «лохматом» 486-ом процессоре, да еще с малой частотой из первых серий. Батарея в ноуте была уже никакая, хватало ее на пять минут, что и послужило причиной того, что разъездные работники не могли его использовать. Найти новую батарею для такой древности было достаточно сложно и, с учетом доставки, она была превышала по стоимости половину нового ноутбука, отчего регулярно происходили трения между IT и бухгалтерией. До полного списания оставалось несколько месяцев и до этого срока новый ноутбук покупать не давали. После краткого разговора с компьютерным отделом, закончившегося воплем «Кому он такой на... нужен!!! Иди с бухгалтерией разбирайся!», выдачи заранее припасенной шоколадки и быстрой передачи по остаточной стоимости, которая после стольких лет использования была практически равна нулю он заимел хоть и хреновенький, но все-таки нормально работающий от блока питания портативный компьютер. Надписи на клавиатуре почти стерлись, были видны и многие другие следы длительного использования на выезде почти всем IT-отделом, но Василия это не смущало. Тем более, что ничего лучшего он себе позволить не мог. К тому же, это был редкий случай того, как одновременно угодить обоим сторонам. На радостях начальник IT просто облобызал Василия, которому были благодарны и прочие страждущие – подключится к розетке на выезде с ноутбуком удавалось отнюдь не всегда и тем более, это не всегда было удобно. В такой благоприятной ситуации робкая фраза Соловьева о том, что он хочет изучать Linux, привела к массе дружеских советов, записи на CD последнего любимого сисадминами дистрибутива и обещанию помочь с советами. Подкинули ему и книжку, даже на русском языке, правда, предупредив, что за время с публикации жизнь ушла далеко вперед. Собственно, сейчас Соловьев ее и читал, пока Linux медленно ставился на старую железку. Было много непонятного и хотелось читать дальше, но Василий заставил себя отложить ее для решения следующей проблемы. Как, черт возьми, он будет писать письма на английском языке, когда он только «читает со словарем», если говорить в терминах составления резюме? По-жизни это означало, что человек лазит в словарь за минимум 90% слов. Сам текст письма, был переведен с помощью translate.ru в письме не было ничего опасного, да оно и должно было быть «neutral» по условиям Оноды. Вот только что он будет делать, когда понадобится писать такое, что translate.ru не доверишь??? К тому же, Соловьев толком не знал, как начать письмо. Mr Onoda – звучит официально, да, и к тому же, корректно ли звать мистером японца? А ну как он под атомную бомбардировку попал и ко всем мистерам питает настолько нежные чувства, что просто не пересказать? К счастью, Василию вспомнились японские кинофильмы и он, мысленно поздравив себя с успешной находкой, почти завершил написание письма. Добавив в конце фразу «P.S. Sorry for my English»¹², подсмотренную у кого-то в ICQ, он нажал на кнопку «Отправить». Посмотрев на часы, Соловьев подумал, что ответ будет прочитан, в лучшем случае, завтра в пять-шесть по местному времени, если не позже – пенсионеры, поди, спят до одиннадцати. Однако, он ошибался на несколько порядков...

¹² Прошу прощения за мой английский язык.

Киоши Онода проснулся около двенадцати часов дня. В отличие от беспокойного сна предыдущих дней, в которые его мучило ожидание, сегодня он спал, как младенец. Причиной этому была полученная им глубокой ночью электронная почта. С первого же обращения «Онода-сан» он почувствовал к написавшему симпатию. Если она и частично улетучилась от ужасного английского, то не намного. В письме было написано именно то, что он ожидал увидеть. Но были и некоторые препятствия – Vasily, как назвал себя написавший письмо, совершенно не знал linux и брал несколько дней на завершение его установки и настройку. Конечно, он написал об этом достаточно обтекаемо, в скобках, как прочие интересы. Но, если Онода порекомендовал в замаскированном послании установить программу под linux, читает в полученном от Vasily списке интересов, помимо фотографии и игр, про linux, как «new interest»¹³, который Vasily устанавливает и изучает в настоящий момент... Имеющий мозги да поймет. Киоши сразу сообразил, что особой срочности в написании ответа нет, но, до того, как уснуть, он заменил две фотографии: в своем живом журнале и на фотопортале. Теперь он собирался отвечать на письмо и раздумывал над тем, как бы это сделать. Он быстро написал, что очень рад тому, что его фотографии понравились. Также, Киоши сообщал, что собирается съездить на три дня на Хоккайдо и привезти оттуда интересные фотографии, о которых он напишет позднее. Поразмыслив, он понял, что трех дней парню вполне хватит.

Онода столкнулся с теми же трудностями, над которыми размышлял его новый друг по переписке: Как же все-таки начать письмо? Он хотел было написать «Comrad Vasily»¹⁴, учитывая то, что к нему самому обратились с учетом национальных традиций, но вовремя одумался, вспомнив о том, что коммунисты там уж лет десять не при власти. После некоторого размышления Киоши принял достаточно простое решение. Письмо начиналось стандартно, как начиналась им вся англоязычная переписка. Если бы он знал, какие именно мысли вызовет у адресата такое обращение, он написал бы Comrad, не задумываясь...

На следующее утро после отправки письма Василий Соловьев находился в состоянии изрядного нервного возбуждения. С самого утра он проверил почту, хотя и не надеялся на ее получение. Затем он посмотрел в живой журнал Оноды и невольно перепугался. Большая фотография хозяина журнала сменила пропорции и показывалась без дорисованного коврика. Быстро набрав адрес фотопортала, он убедился в том, что и там фотография была сменена на не модифицированную. Соловьев запаниковал. В его голову одновременно полезли различного рода мысли типа «Ведь счастье было так возможно», «А не приснилось ли мне все это?» или даже «А на месте ли у тебя крыша, Вася?». Последняя мысль заставила его взять себя в руки и начать рассуждать логично.

Насчет крыши – посмотри, дурень, на сохраненные снимки – никак, видать все. Значит, японец просто замел на всякий случай следы. Спрашивается, почему? Не потому ли, что получил твое письмо? – видимо, так. А почему не ответил??? А какой, черт возьми, смысл в его немедленном ответе, когда ты сам написал ему между строк, что с линуксом ковыряешься? А мужик, поди, не дурень... Ладно, надо дождаться вечера. С этой мыслью он отправился на работу, заранее зная, что будет сидеть весь день, как на иголках, с нетерпением ожидая окончания рабочего дня, скоростного броска домой и проверки своего e-mail не раздеваясь.

Сергей Артемьев робко стоял на пороге. Пару часов назад Моркофьев еще раз подтвердил встречу и продиктовал адрес. Сергей довольно быстро нашел нужный дом, позвонил в дверь и после мелькания света и тени в дверном глазке был впущен в еще не знакомую ему

¹³ Новый интерес

¹⁴ Товарищ Василий

квартиру. Первым делом даже до рукопожатия с хозяином он обратил внимание на запах книг. Видимо, их тут было очень много. Разувшись, раздевшись и пройдя дальше, Сергей увидел довольно таки аскетическую обстановку. Его предположение насчет количества книг полностью подтвердилось – они стояли на трех огромных самодельных стеллажах от пола до потолка. Стеллажи были сделаны очень толково – книги на них стояли в один ряд, а не в два, как их приходилось ставить в дурацких продающихся в магазинах стенках; полки были не только ровными, но даже и застекленными. Запах, скорее всего, был бы слабее, но книгами, судя по всему, регулярно пользовались, отодвигая при этом стекла. Однако, книжный аромат уменьшало не только хорошо пригнанное остекление, но и регулярное проветривание, причина которого находилась в углу комнаты. Там висела здоровенная боксерская груша и Сергей понял, что сделанная им в баре оценка физических кондиций Моркофьева была совершенно правильной. Под грушей лежали гантели, которые также явно не были покрыты пылью. А мужик ведь не будет делать зарядку, не проветрив комнаты – за здоровьем он действительно очень хорошо следит. Кстати, форточка как раз была открыта и ветерок слегка теребил аккуратно разложенные во весь стол листы бумаги, сплошь исписанные формулами. Там же лежала и стопка из десятка книг, все как одна по математике. Хозяин не мешал осмотру помещения, но, заметив направление взгляда Сергея, накрыл стол покрывалом. Гостю осталось присмотреться к стеллажам повнимательнее. Почти все книги на них были по математике, только с краю затесалась пара полок с художественной литературой. Дюма, Пикуль, Ян... В основном, исторические и приключенческие романы. Кстати, одной художественной книги на полке не хватало, но остальные «несерьезные» книги выглядели совсем заброшено. Сергей присмотрелся к математическим книгам и понял, что почти все они были изданы не менее пятнадцати лет назад. Оттого, кстати, так и пахнут – время разве что вино лучше делает, а тут не тот случай – старые почти все книжки. Оно и понятно – кто ж в демократической России будет издавать математические книги? Гораздо прибыльнее глянецовый журнал с неотличимой от порнографии эротикой печатать. А где сколько математиков на приличный тираж набрать? – они, поди, торгуют уже все на базарах, а не разной «ученой ерундой» занимаются, один вот реликт выискался... И не исключено, что ты сам после Бауманки так же будешь жить на склоне лет... Грустные мысли Сергея прервались фразой Моркофьева «Проходи» и они последовали в другую комнату.

Войдя туда, Сергей прежде всего подумал, что это даже не комната, а, скорее, комнатка. Там с трудом помещался диван, две тумбочки с телефоном и телевизором, одежный шкаф, журнальный столик с компьютером, стул и два кресла. Гостевое кресло Сергей приметил сразу – оно было практически новым и совсем не вытертым по сравнению с хозяйским. Поэтому он нисколько не заколебался с выбором места, услышав предложение «Садись».

– Ну, Серега, как я понял и тебе есть, что сказать, да и у меня кое-какие новости появились. Давай по-деловому начинай, а я потом продолжу.

– В общем так, Семен Васильевич. Подумал я за это время много, много и перечитал. Точно знаю – собрать и запустить суперкомпьютер смогу.

– Это хорошо.

Сергей понял, что самое время начинать серию заранее продуманных им фраз. По его прикидкам, до этого они должны были бы добраться минут через пять, но жизнь распорядилась иначе.

– Сборку, после закупки всего что нужно, я однозначно беру на себя. Но, так как Вы явно не хотите нарушить тайну своей разработки, Вам, скорее всего, придется кое-чему научиться для того, чтобы сделать секретные вещи самому. И еще перед этим ответить на несколько общих вопросов.

– Чему учиться надо будет?

– Программированию. Если софт писать буду я, то все волей-неволей разужнаю.

Моркофьев чертыхнулся про себя, в очередной раз выругав собственный математический склад ума. Не то, чтобы он был туп в житейских вопросах, но иногда Семен ловил себя на том, что без заранее продуманного плана, такого, который он разработал перед разводом, он решает проблемы поэтапно, не видя дальнейшей перспективы после завершения того этапа, каким он непосредственно занимался.

– Понятно. Программ не писал ни разу. Только формулы программистам выдавались, а они уже там с ними занимались.

– Кстати, о формулах. Есть еще самый общий вопрос – какого рода вычисления будут делаться?

– С какой целью интересуешься? – с подозрением перебил его Семен.

– Если там будут множественные вычисления с плавающей точкой, то кластер одним способом надо настраивать, а если просто высокоскоростной перебор простых операций, то по-другому.

На этот раз Семен не просто беззвучно чертыхнулся, а мысленно обругал себя последними словами в три этажа. И как ты, дубина,,,, об этом не подумал??? Надо же адаптировать алгоритм под численные методы расчета, а ты,, ни хрена не делаешь, груши околачиваешь да ушами хлопаешь!

– Поразмислить, Серега, крепко надо... По большому счету, можно так, а можно и эдак, но прикидывать надо.

– Ладно, прикидывайте. Вот, кстати, книжка, Керниган и Ритчи. Лучше по языку Си еще не писали, по ней уж десятка три лет учатся.

– Книжка это хорошо... Да у меня, черт возьми, и компьютера-то приличного нет! Нынешнему уж лет пять будет.

– Купить не проблема, были бы деньги.

– За этим дело не станет. Договорим, да и пойдем. Кстати, как у тебя со следующей субботой – свободна?

– Вполне нормально, кому я нафиг нужен... А что?

– Надо будет километров за 350 от Москвы прокатиться, посмотреть одно место. Заодно и скажешь, пригодное оно, или нет.

– Отлично, когда встречаемся?

– Так... Давай в восемь утра у меня. Товарищ мой спит поздно, часов, думаю, до десяти, но, если ему приспичит пораньше, то мы будем наготове.

– Хорошо. За компом идем?

– Идем. Да выбирай самый лучший, не стесняйся. Деньги есть.

– Самый лучший – можно и тысяч за пять-шесть купить. Долларов, а отнюдь не рублей. Тут, типа, как Порше и Тойота. И то и другое ездит, только одно малость покруче будет. Да и подороже. К тому же! Вы ведь играть на нем не планируете?

– Нет, конечно.

– Тогда видеокарта крутая сразу отпадает.

– Ладно, купишь на свое усмотрение. Подожди меня малость.

Моркофьев торопливо оделся и заглянул в кошелек. Сергей невольно заметил там не только рубли, но и приличное количество зеленых бумажек, пол-пачки, не меньше. Уж что-то, а нищим этот математик точно не был.

– Сейчас, Серега, зайдем в обменник, потом веди меня в магазин – скупаться будем.

Вечер был занят покупкой комплектующих, поездкой на такси обратно и сборкой. При покупке Моркофьев еще раз дал понять Сергею, чтобы он не скупился, и тот накупил достаточно приличного железа. Видеокарту он взял «не очень», но процессор, оперативную память и все остальное – по максимуму. Прикупили и монитор побольше. По ходу дела завели знакомство с менеджером, который был рад достаточно щедрым покупателям. Сергей намекнул тому,

что от них, если все будет хорошо, позднее может последовать очень крупный заказ. После этого намек менеджер напомнил своей настороженной внимательностью хорошо вышколенную сторожевую собаку, держащую хвост пистолетом, и распорядился, чтобы клиентов обслужили по высшему классу. Все купленное было успешно собрано в доме у Моркофьева. Заранее подготовившись к такому ходу событий, Сергей прихватил с собой CD, с которого он и поставил Linux на свежесобранный компьютер. Так как было довольно поздно, а завтра у Сергея были лекции, они договорились встретиться послезавтра. Сергей еще посоветовал Семену, что надо бы озаботиться нормальным Интернетом, так как актуальная документация часто есть только там, а модем на телефонной линии – дело не быстрое. Расстались они уже после девяти вечера, усталые, но довольные, как развитием событий, так и друг другом.

Примчавшийся домой со скоростью легкоатлета-разрядника Василий Соловьев не был столь же доволен общением по переписке. Мало того, он злобно ругался вслух матом, что явно не свидетельствовало об удовлетворенности. Так этот, *ля, Онода, как оказалось, старый гомик! Кто же еще может начинать письма с обращения Dear Vasily, которое, даже не знающий языка Соловьев, может перевести без словаря? Ты уже, Вася, стало быть, дорогой после первого же письма! А следующий раз он тебя, небось «милым» назовет? Василию было довольно противно. Первой мыслью Соловьева было послать в Японию однострочное письмо, на которое вполне хватило бы его запаса английских ругательных слов из голливудских боевиков, типа «F**k off, you, s**t». Он даже заново открыл свернутую от злости почтовую программу, но, к счастью, голос разума заставил его немного призадуматься. Надо бы посмотреть на то, что он пишет. Не для того Онода так хорошо прятал информацию, чтобы банально тебя домогаться. Там, небось, местных и, соответственно, гораздо более доступных мужиков и без тебя-то – пруд пруди. Надо продолжать переписку, посмотреть, что именно он знает и попытаться вытянуть из него всю полезную информацию. А что до его ориентации... Не доберется же этот Онода до твоей задницы по электронной почте, в конце концов! Экой ты, Вася, стал политкорректный – усмехнулся он сам себе. Да пусть он там хоть коз сношает или даже копрофилом будет, лишь бы рассказал, что надо! – подала голос особо циничная часть мозга. Главное – чтобы в гости не просился. Усмехнувшись еще раз, и окончательно успокоившись, Соловьев продолжил читать письмо.

После прочтения он невольно прибодрился, несмотря на начало письма. Онода пообещал отписать ему через три дня, видимо, понимая, что быстро ему с незнакомой системой не разобратся. После упоминания о том, что Онода очень рад тому, что его фотографии оценили в России и прочего информационного шума было нечто более полезное. Он, типа, съездит на Хоккайдо (где это, черт возьми?) и сделает там снимки. При упоминании снимков Соловьев понял, что ему опять посоветуют обратить внимание на такое-то фото. К этому надо подготовиться...

Соловьев было перепугался, поняв, что ему надо будет установить стеганографическую программу из исходных текстов, но заставил себя успокоиться и прочитать readme-файл. После набора всего трех команд configure, make и make install, к его невероятному удивлению, программа заработала по истечению нескольких минут сборки и установки. Василий и не ждал от себя такой прыти. Он даже с монтированием usb-flash вчера толком не разобрался, хорошо сегодня ему подсказали, как же все-таки перенести на ноутбук данные на флэшке, а тут так поперло! В конце концов, должно же у него начать хоть что-то с первого раза получаться – резонно подумал Василий, взглянул на часы и решил завалиться спать пораньше, так как в предыдущие дни он спал гораздо меньше, чем нужно и ему явно требовалось выспаться. Благо, достигнутые результаты позволяли...

Глава 7

Киоши Онода заканчивал подготовку к отправке письма в Россию. За время своей поездки на Хоккайдо он многое передумал. Ему вспомнился погибший при наступлении русских брат, да и северные территории, контролируемые сейчас теми же русскими. Не будет ли работа с нацией, еще не заключившей мирного договора, предательством идеалов его семьи? Перед мысленным Оноды взором мелькнули старшие братья, явно не одобрявшие его поведения. Сидя в поезде, он много думал на эту тему и в конце концов решил продолжать сотрудничество. Если смотреть с другой стороны, и премьер-министр, хоть и постоянно напоминает о территориальных претензиях, но регулярно встречается с русскими, да и сколько компаний поставляют туда оборудование и электронику. А что до давних счетов... С Кореей и Китаем история отношений намного более бурная, да и по большому счету, выигранная в начале прошлого века война объяснялась только бездарным руководством и недооценкой противника со стороны России. Надо быть реалистом – при серьезном отношении и подготовке русских к войне и не при царе Николае, как правителе, та война бы закончилась бы, в лучшем случае, «ничьей». К тому же! Его деятельность подорвет и экономику России. В конце концов, желание отомстить победило окончательно, правда, после очень длительной внутренней борьбы. Но путь на Хоккайдо не близкий и молчаливая беседа Оноды с самим собой помогла сократить ее.

На Хоккайдо Онода сделал несколько хороших снимков, отдохнул, даже рискнул скатиться на лыжах в Нисеко. На снимках были в основном горные пейзажи на фоне чистого неба, спрятать на этих снимках с помощью игры яркостью мало что удалось бы, но Оноду это уже не беспокоило. В Нисеко было много австралийцев и прочих туристов-гайджинов, специально приехавших на «самый мягкий в Японии снег». Хотя уже была весна, лыжный сезон и не думал закрываться. Он вернулся в Токио из Саппоро по самой загруженной авиатрассе в мире на Боинге-747, вслед за взлетом которого уже через четверть часа другой самолет подыметесь в небо для полета по тому же маршруту. Весь недолгий полет Онода проспал и проснулся только перед снижением. После посадки Онода не торопясь вернулся домой, подготовил и выложил на фотопортал новые снимки, один из которых был не совсем обычным, довольно быстро написал письмо Василию, начав его точно так же, как и предыдущее и нажал кнопку «Send».

Посмотрев на экран зазвонившего мобильного, Сергей Артемьев увидел слово «Семен». Он подивился, почему он звонил раньше времени – они договорились, что он придет завтра и нажал на кнопку ответа.

- Добрый вечер, Семен Васильевич
- Здорово, Серега. Приходи завтра обязательно, а то я тут малость запутался и в книге, и в компе.
- В компе-то понятно, а в книге как? Она ж вроде понятная достаточно.
- Да я, как увидел там выражение $a=a+1$, так и обалдел. Шиза какая-то...
- Несмотря на всю выдержку, Сергей не смог удержать в себе смешок.
- Семен Васильевич! В программировании знак равно обычно означает «присвоить значение». Если нужно проверит равенство, в языке «Си» нужно два знака равно в условном операторе рядом ставить. А там просто к А прибавили единицу.
- Ох, Серега, учиться мне еще и учиться. Приходи завтра пораньше, если сможешь, я дома буду.
- Приду обязательно. Вижу, помощь действительно нужна.

После прощания Сергей отбил звонок и усмехнулся про себя. Правда, его усмешка быстро сошла на нет, когда он подумал о ждущих его трудностях. Мужик-то вроде умный, но как учить закоренелого математики программированию, особо, когда того колбасит от прописных программистских истин, противоречащих математическим? Намаешься ты, Серега, ох, намаешься... А куда деваться – назвался груздем, полезай в кузов. Ладно, не будем забегать вперед, завтра оценю его сообразительность. Прошлым вечером при сборке не до этого было, а сейчас действительно надо будет подвалить к Семену как можно раньше и плотно им заняться. А что до математических привычек... Будем разбираться с проблемами по мере их поступления, не исключено, что не все так запущено, как кажется. С этой мыслью Сергей вернулся к чтению документации о кластерах.

Игнат Владимиров помнил о том, что сказал ему Литейщик «Не беспокоить неделю». Хотя сегодня Игнат и видел его, но не решился заговорить с ним и не только из-за уговора. Физиономия Литейщика при его появлении стала явно не очень довольной и Игнат быстро прикинул, что посыпание возможных ран солью – не лучший способ общения с нужными людьми. Видимо, с наскока даже у такого мастера ничего не вышло... Ладно, пусть тренируется, а у меня тоже есть, чем заняться. Игнат посмотрел на паяльник, разогревшийся по данным паяльной станции до нужной температуры, на миниатюрную магнитную головку и не менее миниатюрную печатную плату, вытравленную им самолично. Рядом лежала мини-дрель, которой он несколько минут назад сделал в плате отверстия на нужных местах в соответствии с распечатанной из интернета схемой. Хотя нужно было паять достаточно миниатюрные детали, все было спаяно достаточно быстро и качественно, так как руки Игната явно росли из нужных мест. Одна микросхема была контроллером магнитной головки, во вторую записывались данные. Оставалось только проверить, как это работает. Игнат подал питание на схему и провел по считывающей головке. Затем он подключил миниатюрное устройство четырьмя контактами к более сложной считывающей схеме, спаянной вчера. Она, в свою очередь, уже была воткнута в порт компьютера. Запустив программу считывания, Игнат увидел все интересующие его данные. Он поздравил себя с успехом и усмехнулся радиотехническому суеверию одного своего знакомого, который считал, что если схема заработала с первого раза, то добра от нее лучше не ждать. А вот, гляди-ка, заработало. О том, что добра от изготовленного устройства действительно лучше не ждать, Игнат не задумывался...

В Благовещенске Василий Соловьев просматривал и переводил информацию, выданную командой map patch. Несколько часов назад он получил письмо от Оноды, которое начиналось точно так же как предыдущее. Чертыхнувшись по этому поводу, Соловьев начал переводить письмо. На вид оно было совершенно невинным. Онода писал, что он съездил на Хоккайдо, покатался там на лыжах и сделал несколько снимков, которые можно посмотреть по указанной ссылке. Он советовал обратить внимание на снимок номер 15 в серии. Ну давай-ка, посмотрим, «мой дорогой и милый шалунишка Vasily», что же там на пятнадцатом снимке – ухмыльнулся себе Соловьев и перебрал картинку на ноутбук. Запустив стеганографическую программу, Василий ухмыльнулся самому себе, увидав на экране сообщение о файле, который был спрятан в фотоснимке. Он живо извлек архив, распаковал его и обнаружил внутри текстовый файл и патч к чему-то. Часто отвлекаясь на пользование словарем, Соловьев дочитал сообщение и почесал в затылке. Как оказалось, патч был предназначен для той самой стеганографической программы, которой он только что извлек файл из лежавшего на фотопортале снимка. Оставалось только понять, как же все-таки этот патч применить. На ноуте был отнюдь не windows, и применение патча, правившего исходные тексты программы, было достаточно сложной задачей для не знающего толком linux Василия. Он помнил совет своих новых приятелей из IT – читай команду map. Соловьев, в который раз злобно ругая себя за незнание языка, переводил слово за словом. После этого он полез за примерами в интернет, затем, после длительного чте-

ния, к его удивлению, патч был успешно применен к исходным текстам программы. До этого Василий, вовремя вспомнив об этом очень важном аспекте деятельности, деинсталлировал не модифицированную программу, набрав в каталоге с исходником `make uninstall`. Соловьев было почувствовал себя крутым хакером, затем напомнил себе, сколько всего про linux он еще не знает и его радость потускнела. Заново собирая из исходных текстов модифицированную программу, Василий подумал о том, что своим продвижением вперед он обязан собственному прилежанию и тому, что он долго обдумывает каждый свой шаг. Воистину, когда делаешь, что думаешь – думай, что делаешь... А этот Онода умен, зараза, хоть и педик. Любой, имеющий такую программу, достанет все, что там в картинке запрятано. А вот с самодельно модифицированной программой – шиш, даже и не увидят ничего. Василий слабо знал программирование, но поглядев в патч, он понял, что меняются значения некоторых таблиц кодирования. Сообразителен японец, чертяка. Ладно, программа запустилась. Дальше что? А дальше надо поспать и наутро продолжать действовать по плану, который Василий давно прорабатывал в уме.

Глава 8

Сегодня Старостенко наметил для себя посещение зоны производства карт. По ходу дела он решил проинспектировать работоспособность новой системы контроля доступа. Лишь то обстоятельство, что она была закуплена в соответствии с требованиями тендерного комитета к цене, презрительно настораживало знающих людей. Конечно, на бумаге все должно было работать, как надо, в строгом соответствии с требованиями. Должны были и отпечатки пальцев проверяться и вес сотрудника при проходе через систему записываться и сравниваться. Но система собиралась российской компанией из комплектующих разных фирм по критерию дешевизны и не сильно лестные отзывы о ее работе после запуска доносились до Николая еще на старой должности.

Перед визитом Николай зашел в бухгалтерию – ему надо было подписать несколько бумаг, связанных с его переводом на новую должность. Там он хоть и невольно, но довольно сильно перепугал главного бухгалтера. Казалось бы, дал простецкий совет по безопасности, посоветовав поставить автоблокировку на ноутбук после пяти-десяти минут отсутствия активности. Но при словах «Вы ведь не хотите, чтобы данные в этом ноутбуке достались посторонним» собеседницу передернуло и она слегка побледнела. Николай невольно подумал о том, чего же там эдакое в ноутбуке хранится? Он совсем не выглядел рабочей машиной и не был подключен к банковской сети. Видимо, у главбуха свои причуды с секретами, поди, порнуха какая, адреса любовников или, допустим, номер личного счета в швейцарском банке. Да мало ли что там, меньше знаешь – крепче спишь; и так много знать стал... Теперь-то она точно автоблокировку поставит – усмехнулся про себя Старостенко, выходя из бухгалтерии, сопровождаемый настороженным взглядом главбуха.

Николай подошел к начальнику отдела изготовления карт, с которым говорил Ростецкий. Старостенко успел услышать часть разговора, до того, как беседующие заметили его приближение. Судя по всему, они были не очень довольны друг другом – Ростецкому нужно было провести еще одно тестирование изготовления новой чиповой карты, а у начальника, как это частенько бывает при необходимости проведения тестов, было срочное задание по изготовлению нескольких тысяч карт для нового зарплатного проекта. Ругаться они еще не ругались, но уже говорили довольно натянуто.

– Не подеритесь, спорщики – с улыбкой произнес Николай, подойдя ближе

– Да как можно! Если в драке на территории банка кому-то поломают руку – это ж будет производственная травма и серьезное нарушение правил техники безопасности. А мы за них третьего дня расписывались, и инструктаж слушали, где нам это четко объяснили – усмехнулся Ростецкий.

– Ладно, мне пропуск на систему контроля доступа нужен – сделаете? обратился Старостенко к начальнику.

– А как же, сделаю – живо ответил начальник.

– Только вы, Николай Владимирович, эмпирические правила техники безопасности при пользовании новой системой соблюдайте – с преувеличенной настороженностью сказал Ростецкий.

Начальник усмехнулся, несмотря на то, что он совсем недавно выяснял с Ростецким отношения.

– Невольно ведь во всякое поверишь! И он ведь не разу в «стакане» не застрял, зараза!

– А застревают? – с интересом спросил Николай

– Бывает... Там сейчас систему отлаживают, сидит и представитель фирмы и охранник наш – вызволяют замурованных. Говорят, что после отладки лучше будет...

Николай отметил про себя, что перед форсированием новой системы контроля доступа надо бы заскочить в туалет. Ему совсем не улыбалось застревать в «стакане», но одно дело просто застрять, а второе – когда при этом мучают естественные потребности организма. Тем временем, судя по направлению, Ростецкий с хитрой физиономией двинул напрямик в производственную зону, рассчитывая, по всей видимости, найти под шумок какое-нибудь окошко для своих тестов. Николай приложил палец к сканеру отпечатков, взвесился на электронных весах, получил карту, которую нужно будет дополнительно прикладывать к сканеру и дополнительно расспросил начальника отдела персонализации о том, часто ли застревают в «стакане». Он сделал это не только из собственного любопытства, но и для того, чтобы дать приятелю больше времени на тестирование. Услышав пространный ответ о том, что застревает, по сравнению с предыдущими днями, не много, раз по десять-пятнадцать в день, а в первые дни и по полсотни бывало, Николай дополнительно порасспросил о том, понимающие ли люди поставщики, сложно ли пользоваться системой, надежная ли она, по мнению собеседника, не медленно ли ее налаживают. Затем Николай, расписавшись в получении допуска, направился в туалет – не ровен час, проявится генеральский эффект, а рассказ про уписавшегося в стакане «генерала» наверняка с невероятной скоростью распространится в слухах по всему банку.

Подойдя к производственной зоне, Николай увидел стоявший стол, за которым сидел охранник и сотрудник фирмы-поставщика. Затем он заметил само устройство, которое, как сказали бы русофобы, «в полном соответствии с русским запойным пьянством», получило в народе прозвище «стакан». С этим столовым прибором механизм роднили полукруглые прозрачные двери, которые в закрытом положении действительно выглядели как торчащая из стены половина поставленного на пол гигантского стеклянного стакана. Конечно, его официально называли и шлюзом и английским словом «mantrap», но даже в официальном устном обращении название «стакан» уверенно лидировало, разве что документы писались по-другому. Посередине от верха до низа «стакана» проходила вертикальная резиновая черта, показывавшая место соприкосновения дверей. Пока Николай издали рассматривал устройство, один из сотрудников подошел к стакану, приложил к считывателю карту, после загорания зеленой лампочки приложил к сканеру отпечатков указательный палец и двери «стакана» разъехались в разные стороны, открыв проход. Сотрудник зашел в «стакан», двери затворились, и через две-три секунды после этого при открытии противоположной двери стакана женский голос сказал «Доступ разрешен». Николай сообразил, что пауза была вызвана измерением веса входившего. Это, на первый взгляд, было блажью и перестраховкой, но отсутствие посторонних в зоне производства карт диктовалось не только правилами VISA и MasterCard, но и элементарным здравым смыслом. Не говоря уже о том, что проверяющие международных платежных систем любили тестировать на себе работу систем контроля доступа. На прошлом месте работы Николая ловкач из VISA заскочил в «стакан» вслед за вошедшим и благополучно «проник» в зону с ограниченным доступом, что добавило замечание в отчете по безопасности.

Николай было направился к стакану, намереваясь сделать попытку просочиться через него, но заметил приближающегося с другой стороны Ростецкого. Судя по довольному выражению лица, он таки успел провести тесты. Глядя на то, как Ростецкий с заимствованным в США неприличным жестом приложил средний палец руки к считывателю, Николай ухмыльнулся – выбор пальца был точно в стиле проходившего. После того, как Ростецкий зашел в стакан, он вытянулся и размашисто перекрестился с очень непростым выражением лица. Когда двери открылись, он процитировал Николаю «Ивана Васильевича, меняющего профессию»:

– Вот, что крест животворящий делает!

– Алексей, а это обязательно? – засмеялся Старостенко

– А то! Некоторые тоже так делают, и не застревают, даже памятку вон написали.

Ростецкий показал на незамеченный ранее Старостенко висевший неподалеку самодельный мини-плакат, отпечатанный на листе А4:

И, заходя в стакан, осеняй себя крестным знаменем, ибо застрянешь, грешник.

А. Ростецкий

Усмехнувшись еще раз, Николай обратился к представителю фирмы-поставщика, смотревшего на плакат и автора текста явно без признательности

– А без крестного знамени когда работать будет?

– Налаживаем...

– Налаживайте лучше – посоветовал им Ростецкий. Если сейчас зам. начальника службы безопасности банка тут застрянет, он на Вас обидится.

Представитель поставщика невольно вздрогнул. Николай решил не смущать его еще больше и сказал Ростецкому:

– Давай, если застряну, ты меня крестным знаменем осени – авось, да и поможет.

После совета Ростецкого не жать пальцем на считыватель, а то он этого глючит, Николай вполне успешно преодолел стакан, даже не крестясь. Направляясь к старшему смены, Старостенко решил в очередной раз посмотреть на работу эмбоссеера – машины, превращавшей безликие заготовки пластиковых карт в продукт, готовый к передаче клиенту. Как и большинству технарей по образованию, Николаю нравилась наблюдать за работой точной механики и электроники. Встав около большого эмбоссеера DataCard 9000, он в очередной раз посмотрел за процессом персонализации карт. Карта подхватывалась с приемного лотка на конвейер и сразу попадала на модуль записи магнитной полосы, где она проезжала взад-вперед по магнитным головкам. Затем, карта оказывалась в захвате механической руки, которая с высочайшей точностью засовывала ее в один из семи «карманов» с контактными площадками, предназначенных для записи данных на вклеенный в карту чип. После этого механическая рука выхватывала карту с уже записанным чипом из другого кармана, отправляла ее дальше и тут же подхватывала с конвейера следующую. При этом «рука» ухитрялась в доли секунды не только поворачивать все поступающие на нее карты «на попа» для записи чипа, но и разворачивать их обратно при выдаче на конвейер. За ловкой механической рукой карты попадали на модуль с трехцветной лентой, на котором на обратную сторону карт наносились фотографии владельцев, что делалось отнюдь не во всех банках, да и не для всех карт в самом Ультриме. Затем карта попадала в секции, где на нее наносились надписи. В зависимости от типа карты работали разные участки эмбоссеера, которые или выдавливали на карте выпуклые символы – это на карточном языке называлось «импринт», или наносили невыпуклые знаки, что именовалось «индентом». Сейчас работало колесо импринта. При работе оно вначале очень быстро поворачивалось на нужный угол, затем не менее шустро ударяло по карте, выдавливая нужный символ. Каждый, кому на словах описывали этот механизм, не мог поверить, что эдакая штукавина, которую мысленно и представить-то сложно, может настолько проворно тарыхтеть, нанося на карту символы со скоростью нескольких знаков в секунду. А вот услышав характерный частый стрекот, не верившие немедленно понимали, что их совсем не надували и сразу же «проникались». В самом конце выпуклые символы соприкасались с разогретой до высокой температуры лентой, которая окрашивала свеженанесенные выпуклые надписи в серебристый цвет (для карт Gold ставилась лента золотого цвета). И, наконец, готовый продукт выкладывался в приемный лоток, карты в котором прибывали со скоростью нескольких сотен в час. Николай понимал людей, которые засматривались на эмбоссеер. Подача, проход через магнитные головки, ловкие движения механической руки, ритмичное тарыхтение колеса, быстро кололтившего на карте строчку за строчкой... Процесс невольно притягивал и завораживал, создавая эффект наподобие гипноза автострады. Когда несколько лет назад еще на позапрошлом месте работы Николай первый раз засмотрелся на машину, его вывел из ступора только громкий смех и дерганье за рукав. Он было очень сильно смутился, но быстро сориентировался

и задал правильный вопрос – а вы-то сами разве никогда не засматривались? Ответный смех был смехом людей над самими собой. По общему признанию, в начале работы засматривались все.

Разумеется, для того, чтобы увлечься рассматриванием до самогипноза, процесс подготовки карт должен идти достаточно долго, непрерывно и без сбоев. С этим у эмбоссера все было в порядке. Николай вспомнил давнее выступление одного из дистрибьюторов DataCard: Из пятидесяти крупнейших банков России всего-то сорок восемь использует наше оборудование. Из вторых пятидесяти – какие-то жалкие тридцать шесть... Конкуренты наши выпускают, в общем-то, хорошие эмбоссеры. И дешевые! Одна в них беда – они не всегда работают... Насколько было известно Николаю, приведенные цифры распространенности оборудования, если и изменились, то очень ненамного. Старостенко усмехнулся про себя – первое лицо дистрибьютора, конечно, личность известная по всем банкам и на отсутствие у него чувства юмора жалоб еще не поступало. Но ведь конкуренты не пытались даже и отшутиться... По отзывам коллег, работавших в других банках, одни альтернативные устройства просто почти постоянно «глючили», вторые, в общем-то, могли работать нормально, но после длительной настройки и только до тех пор, пока их не надо было перенастраивать на выпуск иного вида карт. А вот процесс перенастройки был очень и очень непростым и практически никогда не завершался успешно с первого раза. Настройка и возня с оборудованием было традиционно мужским делом, однако учетом, сортировкой и отправкой карт так же традиционно занимались женщины, так как работа эта требовала большой усидчивости и непрерывной внимательности, что давалось мужчинам с трудом.

Николай заставил себя отвлечься от непрерывно тарахтящего эмбоссера и проследовал в комнату, отгороженную от шумящего оборудования стеклянной перегородкой. Зайдя туда, он услышал женский шепот «Ну и корова!». Оглядевшись, Николай почувствовал какое-то неестественное напряжение. Старостенко было проследил за направлением пристального взгляда одной из сотрудниц, но увидел, что она смотрела на «стакан». Сделав быстрый, но, как оказалось, неправильный вывод о том, что они, видимо, ждали того, как кто-нибудь застрянет, Николай проследовал за перегородку, где сидел старший смены.

– Ну как новая система контроля доступа?

– Плохо. Конечно, немного получше, чем было раньше, но все равно застревают – громко сказал старший.

– После этого он заговорщически приложил палец к губам и перевесился через стол. Николай подвинулся ближе к нему.

– Этот долбаный стакан мне всех баб дезорганизовал! – шепотом выругался старший

– Это как же??? – недоуменно шепнул в ответ Николай

– А вот, глядите...

Оглянувшись и посмотрев на «стакан», Николай чуть не рассмеялся. При беглом взгляде на систему контроля доступа он не заметил приткнувшееся справа вверху табло электронных весов, которое, как оказалось, загоралось при каждом проходе и показывало вес находившегося в «стакане». Он посмотрел на спины женщин; настороженное внимание, и устремляющиеся время от времени в одном направлении взгляды вдруг напомнили ему кошек, терпеливо сидящих у норки. Пушистых хвостов с торчащими треугольными ушками, конечно, не было, да и края длинных усов по бокам головы тоже отсутствовали, но необъяснимое внутреннее сходство с кошками, поджидающими мышку, напряженно отслеживающими полет птички, или внимательно следящими за шалостями котят, было настолько сильным, что Николай улыбнулся и не без труда заставил себя рассмеяться беззвучно, а не во весь голос, как хотелось.

– Вам-то смешно...

– Насторожились, прям как кошки мыша ловят. Николай припомнил умное словцо. Фелинология¹⁵, однако, сплошная...

– Ага, это они при Вас сидят тихо, а то, как те же кошки друг на друга шипят и фыркают, когда кто сколько весит, обсуждают. Даже чуть было до драки наманикюренными когтями не дошло, если б не я, точно бы морды друг другу расцарапали, пришлось вообще матюгом гаркнуть. Спасу просто нет...

Николай призадумался. Бардак надо было решительным образом пресекать, но запретить смотреть на стакан административными мерами – явно не выход, все равно будут пялиться. Тут ему кстати вспомнились гипсокартонные перегородки.

– Постараюсь к следующей смене разобраться – шепнул Старостенко.

– Николай Владимирович, Вы уж постарайтесь, очень прошу!

Николай повысив голос, дополнительно расспросил старшего про систему контроля доступа, хотя ему все уже было более-менее ясно. Успешно пройдя через стакан еще раз, он обратился к представителю фирмы.

– Уважаемый, Вам нужно к завтрашнему дню сделать так, чтобы показания весов за шлюзом были не видимыми. Делайте, что хотите – прячьте за гипсокартон, закрашивайте, просто отключайте табло, но сделать надо. Завтра приду, проверю.

– Сделаем. Разрешите поинтересоваться, чем вызвана просьба?

– Провоцированием напряженности и нездорового любопытства в женской части коллектива. Понятно?

Представитель фирмы слегка обалдел, но, видимо, быстро сообразил в чем дело и растерянно молчал, очевидно, не зная, как бы так продолжить разговор, чтоб не нарваться на большие, чем срочная доработка, неприятности. Так как в России, в отличие от Японии, молчание было знаком согласия, Николай удалился. По дороге в кабинет он решил зайти к Ростецкому и получить ответ на еще один вопрос, возникший в ходе знакомства с системой контроля доступа.

– Алексей, я вот хотел бы тебя порасспросить чуток – неужто ты настолько религиозен?

– Чем же вызван вопрос? – заулыбался Ростецкий. Уж не стаканом ли?

– Им самым. Как же это тебя так Бог бережет, что после крестного знамени ты не разу не застрял?

– Да я и сам не знаю, а Его спрашивать не тороплюсь как-то...

– Колись давай! Я-то, глядя на твою хитрую физиономию, сразу догадываюсь – неспроста все это.

– А разве вы, Ватсон, сами не догадались? Это ж элементарно – произнес Ростецкий голосом киношного Холмса.

– Ну и как же осенение крестным знаменем влияет на работу механизмов? Просьба с сугубо материалистической точки зрения.

– Вообще-то, есть высшие предназначения, в которые нам, смертным, не дано проникнуть – продолжил было с нарочито задумчивым видом дурачиться Ростецкий, но, заметив недовольную физиономию Николая, начал объяснять. Когда осеняешь себя крестным знаменем, волей-неволей становишься на середину весовой платформы и ровно. Без топтания туда-сюда и перемещения центра тяжести по весам.

– Давай-давай, развивай мысль.

– Короче, по моему скромному мнению, у них на весовых датчиках по краям платформы получается что-то типа «дребезга контактов», если находящийся внутри не стоит на месте. Вот стакан и проглюкивает.

– Да, это они долго будут искать...

¹⁵ Наука о кошках

– Могут и месяц-другой не найти...

– Ладно, спасибо за наводку – обрадовался Николай. Дам им еще денек-другой на поиск причины, потом подскажу, а то, когда народ застревает – это совсем не дело. Вот, кстати, ты мне и помог, спасибо.

– Да не за что, заходи, если что.

По дороге в кабинет Николай зашел к начальнику службы безопасности и рассказал ему о своих наблюдениях. История о весах, вызвавших брожение в женском коллективе, изрядно повеселила начальника. Он похвалил Старостенко, узнав о принятых мерах – начальник пообещал, что сам дополнительно поговорит с технической службой и скажет, чтобы они побыстрее решили вопрос с гипсокартоном.

– Значит, говоришь, прямо, как кошки насторожившиеся сидели?

– Ага, аж подобрались и смотрят внимательно-внимательно... Бедный старший смены изнервничался совсем, шепнул, что он было вообще на них матюгом заорал, а то чуть было драку не устроили.

– Ох, это те еще «кошки», небезопасные... Глаза могут маникюром поддеть только так... Хорошо, что ты туда заявился, хорошо!

Попрощавшись с начальником, Николай вернулся в свой кабинет. Рассевшись в удобном кресле, он подумал, что начальническое положение, в общем-то, вещь неплохая. Конечно, не стоит привыкать к тому, что от тебя людей передергивает, как того представителя фирмы, да и приятного в этом мало. А вот когда люди тебя искренне хвалят, как позвонивший Николаю старший смены... Это от души порадовало Старостенко, с хорошим настроением занявшегося чтением электронной почты. И вроде бы все правильно в службу безопасности пишут, стараются. Разбирать письма просто...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.